

Итало Кальвино

Марковальдо
или
времена года в городе

(перевод С.И. Николаева)

Санкт-Петербург
2019 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

01 Грибы	3
02 Скамейка	6
03 Голубь	11
04 Снег	13
05 Осы	16
06 Песок	19
07 Контейнер для еды	22
08 Лес	25
09 Свежий воздух	28
10 Путешествие	32
11 Кролик	35
12 Туман	41
13 Где река голубее	46
14 Луна и GNAC	48
15 Растение	52
16 Супермаркет	56
17 Мыльные пузыри	60
18 Один в городе	65
19 Сад кошек	68
20 Дети Баббо Натале	75

Весна

1 Грибы

Ветры из неведомых краёв порой приносят в город неожиданные подарки. Их замечают немногие, особо чувствительные люди. Например, аллергики, чихающие от малейших следов находящейся в воздухе цветочной пыли.

Однажды ветер невесть откуда занёс мельчайшие споры на полосу земли возле проспекта, и на ней стали расти настоящие грибы!

Никто из горожан, однако, этого не заметил, кроме разнорабочего Марковальдо, каждое утро дожидающегося в этом месте трамвая.

А имел этот Марковальдо свойство зрения, мало подходящее для жизни в городе: дорожные знаки, светофоры, витрины, неоновые вывески, рекламные щиты, сделанные так, чтобы привлекать внимание, никогда не задерживали на себе его взгляд, который, казалось, лишь скользил по ним, как по унылому пейзажу пустыни. Но вот листик, желтеющий на ветке или пёрышко, зацепившееся где-то за черепицу, никогда не ускользали от его взора: не было ни одного овода на крупе лошади, дырочки от древесного жучка в столе, раздавленной на тротуаре кожуры инжира - которых бы Марковальдо не приметил. И предметом его размышлений, стремлением души, смыслом бытия были замечаемые признаки смены времён года.

Так, однажды утром, поджидая трамвай, на котором обычно добирался на работу в фирму «Сбав», он заметил что-то необычное возле остановки. На полоске голой, бесплодной земли, на которой стоят столбы вдоль проспекта, возле пней деревьев выросли некие шишки – здесь и там виднелись выпуклости округлой формы, будто что-то росло, пробиваясь из-под земли.

Он наклонился, как бы завязать шнурок, и разглядел получше: это были грибы, настоящие грибы, в самом центре города! Марковальдо увидел, что окружающий его мир, серый и убогий, может быть щедрым, являя свои скрытые богатства, и что от жизни он мог ещё чего-то ждать, кроме почасовой зарплаты наёмного работника, случайных денег, семейных пособий и надбавок.

На работе он был рассеян. Думал, что пока разгружает пакеты и коробки, там, в темноте под землёй, грибы, ведомые лишь одному ему, тихо, медленно росли, их пористая мякоть зрела, наливаясь земным соком и готовясь прорвать плотную корку дёрна. «Достаточно одного ночного дождя, – подумал он, – и можно будет их собирать». Ему не терпелось скорее поделиться своим открытием с женой и четырьмя детьми.

– Вот что я вам скажу! – важно объявил он во время вечерней скудной трапезы. – Не далее, как на этой неделе мы будем есть грибы! Жареные! Уверю вас!

Для самых маленьких детей, которые не знали, что такое грибы, Марковальдо живо описал красоту множества видов, изысканность вкуса и рассказал как правильно их готовить. Втянули в обсуждение и Домитиллу, его жену, слушавшую до сего момента недоверчиво и весьма невнимательно.

– И где они, эти грибы? – спросили дети. – Расскажи, где они растут!

При этом вопросе энтузиазм Марковальдо угас: «Если я им объясню место, они пойдут на поиски. И не одни, а, как обычно, со своими друзьями, слух о грибах разлетится по району, и мои грибы попадут в чужие кастрюли!» Так открытие, которое поначалу наполнило его сердце вселенской любовью, теперь возбуждало жажду обладания, и его сковал страх, ревность и подозрительность.

– Грибное место знаю я, и только я, – сказал он детям, – и горе вам, если вздумаете проболтаться!

Следующим утром Марковальдо, приближаясь к трамвайной остановке, был полон волнующих предчувствий. Склонившись над заветным местом, он с облегчением увидел грибы. Они выросли, но совсем немного, и были по-прежнему почти полностью покрыты землёй.

Почувствовал, что сзади кто-то стоит, быстро выпрямился и попытался принять равнодушный вид. Затем, как бы невзначай, обернулся и увидел опиравшегося на метлу дворника, внимательно наблюдавшего за ним.

Это был молодой верзила-очкарик, и это была его территория. Его звали Амадиджи, и у Марковальдо с этого момента он стал вызывать чувство антипатии, возможно, из-за этих очков, сканировавших асфальт в поисках любой соринки, дабы тотчас же удалить обнаруженное взмахом метлы.

Была суббота и Марковальдо провел полдня, кружа вблизи заветного места, издали следя то за дворником, то за местом, где росли грибы, и прикидывал, сколько времени ещё нужно, чтобы они выросли.

Ночью пошёл дождь. Как крестьяне после месяцев засухи просыпаются и скачут от радости, слышав стук первых капель, так и Марковальдо, единственный во всём городе, проснулся, сел на кровать и созвал всю свою семью. «Дождь, пошёл дождь!» – и жадно вдохнул проникающий снаружи запах мокрой пыли и плесени.

На заре, а это было воскресенье, с детьми и корзиной, взятой взаймы, Марковальдо поспешил к заветному месту. Грибы подросли и стояли на ещё мокрой земле с вытянутыми шляпками на высоких ножках.

– Ура!!! – всё семейство кинулось собирать их.

– Папа! Посмотри! Тот синьор, вон там, сколько уже набрал! – сказал Микелино, и отец, подняв голову, увидел стоящего неподалёку от них Амадиджи с корзиной, полной грибов.

– О, вы тоже собираете? – удивился дворник. А они съедобные? Я взял немного, но не уверен, можно ли их есть... Там, дальше по проспекту, они ещё крупнее... Подождите, сейчас я узнаю, стоит их брать или нет, – и отошёл к стоявшим неподалёку своим родителям.

У Марковальдо не было слов: грибы, ещё более крупные, которых он и не заметил, урожай, о котором даже не мечтал, уплывал из-под носа. Он стоял некоторое время, окаменевший от гнева и злости, но потом, как иногда бывает, волна бурных эмоций сменилась порывом невиданной щедрости. В это время на остановке было много ожидающих трамвая людей с зонтиками – было пасмурно, и в любой момент мог снова пойти дождь.

– Эй, синьоры! Хотите жареных грибов на ужин? – крикнул Марковальдо людям, скопившимся на остановке. – Здесь выросли грибы! Идите сюда! Тут хватит на всех! – и пошёл вдоль проспекта вслед за Амадиджи, уже поговорившим с родителями и вернувшимся назад.

Нашли ещё грибов. Хватило на всех: в отсутствие корзин их складывали в открытые зонты.

Кто-то сказал:

– Вот было бы здорово отужинать всем вместе!

Однако эта идея поддержки не получила, и каждый понёс собранные грибы к себе домой.

Но всё-таки все они вновь свиделись, в тот же самый вечер, в отделении больницы, где им сделали промывание желудка. Отравление оказалось не очень серьезным, потому что количество грибов, съеденных каждым из них, было не слишком велико.

Марковальдо и Амадиджи лежали на соседних кроватях и мрачно глядели друг на друга.

Лето 2 Скамейка

Добираясь на работу, Марковальдо по утрам проходил под сенью деревьев одного сквера, обустроенного на площади на перекрёстке улиц. Здесь он любил смотреть в самую гущу кроны каштанов. Их листья светились, пропуская едва мерцающие жёлтые лучи, высвечивающие причудливую паутину капилляров. Гвалт невидимых в ветвях беззаботных воробьёв казался ему соловьиным пением, и он думал: «О, как было бы здорово просыпаться под щебетание птиц, а не под звон будильника, требовательный крик новорождённого Паолино или разглагольствования жены Домитиллы!» Или: «Эх, я мог бы спать здесь, в центре этой свежей зелени, а не в своей тесной, низкой и душной комнате. В тишине, а не под храп и сонные бормотанья семейства и грохот трамваев. В настоящей, девственной темноте ночи, а не в искусственно созданной закрытыми ставнями, с ползающими по стенам и потолку бликами света фар. Открыв поутру глаза, я мог бы видеть не потолок и стены, а зелень листвы!» С такими мыслями Марковальдо начинал каждый свой трудовой день разнорабочего – восемь часов плюс сверхурочные.

В углу площади, под сенью каштанов, имелась едва заметная со стороны скамейка. Марковальдо полюбил её и считал своей. В летние ночи, мучаясь бессонницей в комнате, где кроме него спали ещё пятеро, он мечтал об этой скамейке, как бездомный может мечтать о королевской постели. В одну из таких ночей, пока жена храпела, а дети лягались во сне, он тихо встал с постели, оделся, взял под мышку свою подушку и вышел из дома. Он шёл к скверу.

Там было прохладно и спокойно. Он предвкушал знакомое ощущение деревянных реек скамейки – и был в этом уверен – мягких и уютных, во всем бывших предпочтительнее свалывшегося матраса кровати. Посмотрел с минуту на звёзды, прикрыл глаза, заново переживая заботы и обиды дня.

Прохлада и покой были, но скамейка была занята. На ней сидели двое влюблённых, глядя друг другу в глаза.

Марковальдо тактично прошёл мимо. «Уже поздно, – подумал он, – не проведут же они всю ночь на улице! Нельзя же до самого утра ворковать!»

Но эти двое ничуть не ворковали: они ссорились. Никто не может сказать уверенно, в какой момент ссора между влюблёнными может начаться и в какой – закончиться.

Он говорил:

– Но ты не хочешь признать, что говоря это, знала, что мне будет неприятно это слышать, и лишь делала вид, что доставляешь мне этим удовольствие.

Марковальдо понял, что это надолго.

– Нет, не признаю, – ответила она, – Марковальдо был уверен, что ответ будет именно таким.

– Почему не признаешь?

– Не признаю и всё.

«Ох», – вздохнул Марковальдо и решил пока прогуляться. С подушкой под мышкой пошёл смотреть на луну, полную и большую, нависающую в эту ночь над самыми крышами и деревьями. Затем вернулся к скамейке, побродил чуть поодаль, чтобы им не мешать, но в глубине души надеясь возбудить у них неловкость и тем самым заставить их уйти. Однако они были слишком увлечены спором, чтобы понять его намерения.

– Ну, признай же?

– Нет, нет, не признаю! Вообще!

– Но давай хотя бы допустим, что ты это признаешь?

– Допуская, что могла бы признать, я всё равно не признаю то, что ты хочешь заставить меня признать!

Марковальдо опять пошёл смотреть на луну, потом на светофор, который был немного в стороне. Светофор мигал жёлтым. Жёлтый загорался и гас, загорался и гас. Марковальдо стал их сравнивать – луну и светофор.

Луна с её загадочной бледностью, тоже вроде жёлтая, но где-то в глубине своей и зелёная, и синяя. И светофор с его вульгарным жёлтеньким. Луна – само спокойствие – светит без спешки, в лёгкой вуали проплывающих перед ней тонких полупрозрачных облаков, великодушно позволяя им укрывать свои плечи. Светофор же был абсолютно предсказуем: включился – выключился, включился – выключился. Псевдоживой, усталый раб.

Вернулся посмотреть, признала ли девушка? Нет, не признала. Наоборот, теперь не признавал уже он.

Ситуация переменялась, и теперь она говорила ему:

– Ну же, признай? – а он говорил «нет». Так прошло ещё с полчаса. В конце концов не важно, кто из них признался, но Марковальдо увидел, что они поднялись и стали уходить, держась за руки.

Он ринулся к скамейке и упал на неё в предвкушении ощущения уюта, но вдруг понял, что даже свою собственную кровать не помнил такой жёсткой. Однако это были уже нюансы – его намерение насладиться ночью под открытым небом было непоколебимо: он опустил голову на подушку и приготовился уснуть. Уснуть так быстро, как уже давно не случалось дома на кровати.

Марковальдо нашел самое удобное положение, и, казалось, ничто на свете не сможет сдвинуть его даже на миллиметр. Правда, отсюда он не мог наслаждаться видом одних лишь деревьев и неба, чтоб заснуть в обстановке полной природной безмятежности. Вместо этого ему было видно: дерево, поднятую вверх саблю на памятнике какому-то генералу, ещё дерево, доску объявлений, третье дерево, и затем, чуть дальше, ложную луну мигающего светофора, продолжающего молотить жёлтыми огнями.

Надо сказать, что в последнее время нервная система Марковальдо находилась в столь плачевном состоянии, что, несмотря на то, что он смертельно уставал, достаточно было попасть в голову какой-то беспокойной, навязчивой мысли, и он никак не мог заснуть. Теперь его взяла досада за этот без конца мигающий светофор. Где-то там, далеко, подмигивал одинокий жёлтый глаз, и с этим ничего нельзя было поделать. Марковальдо терзался этим видением до изнеможения: он зафиксировался на этих включениях и выключениях и повторял: «Как хорошо бы спалось, если бы не он! Как хорошо бы спалось!» Он закрывал глаза, и, казалось, чувствовал за сомкнутыми веками непрерывные включения и выключения этого дурацкого жёлтого. Сильнее зажимывал глаза и видел уже десятки светофоров. Приоткрывал – и всё повторялось снова.

Марковальдо встал. Он должен был поставить хоть какую-то преграду между собой и светофором. Дошёл до памятника генералу и огляделся.

У подножия памятника на подставке лежал лавровый венок, подходяще густой, хоть уже высохший и наполовину осыпавшийся, с большой выпуклой лентой: «Копьеносцы 15-го полка в годовщину славной победы». Марковальдо взобрался на пьедестал, поднял венок и надел на генеральскую саблю.

В этот самый момент ночной патрульный Торнаквинчи пересекал площадь на велосипеде. Марковальдо укрылся за статуей. Торнаквинчи увидел на земле шевелящуюся тень от памятника и остановился, полный подозрений. Взглянув на венок на сабле, он понял – что-то тут не так, но не знал, что именно. Направив свет фары на венок, он прочитал: «Копьеносцы 15-го полка в годовщину славной победы», одобрительно покачал головой и удалился.

Решив держаться подальше от этого места, Марковальдо изменил свой обратный маршрут. На соседней улице бригада рабочих ремонтировала трамвайные пути. Ночью на пустынных улицах эти группки людей, сидящие на корточках в свечении сварки автогена, их голоса, то звучащие, то стихающие и вся атмосфера вокруг них окутаны тайной: эти люди делают вещи, о которых дневные жители никогда не узнают.

Марковальдо подошел и стал смотреть на пламя, на движения рабочих – немного рассеянно и слипающимися от сна глазами. Нащупал в кармане сигарету, чтобы немного очнуться от дремоты, но не было спичек.

– Не найдётся огонька? – спросил у рабочих.

– Такой подойдёт? – спросил сварщик, извергая сноп искр.

Другой рабочий встал и протянул зажжённую сигарету.

– Вы тоже в ночную смену?

– Нет, я в день, – сказал Марковальдо.

– И что на ногах в такой час? Мы-то скоро сворачиваемся.

Вернулся к скамейке. Лёг. Светофор был скрыт от его глаз, и он мог, наконец, заснуть. Но теперь появился шум. Какой-то гул, нечто среднее между жужжанием, скрежетом и шипением проникал в его уши. Нет звука, более надоедливого, чем звук сварки – вроде как крик шёпотом. Марковальдо, не двигаясь и свернувшись калачиком, как это возможно на скамейке, уткнулся лицом в помятую подушку, но это не помогало. Шум не утихал, извлекая из памяти обрывки виденного: вспышки серого света пламени, разбрызгивающего золотистые искры, люди на корточках с защитными масками дымчатого стекла перед лицами, сварочные аппараты в руках, мерцающие контуры теней вокруг ящика с инструментами, высокие козлы, достающие почти до проводов. Он снова открыл глаза, поворочался на скамейке, взглянул на звёзды, виднеющиеся меж ветвей. Безразличные к происходящему воробьи безмятежно спали где-то наверху, среди листвы.

Как хорошо спится птичке, спрятавшей голову под крыло в чудном мире растений, в вышине, далеко над земным миром, едва различимым сквозь листву, скрывающую суету и заглушающую звуки. Надо прекратить мириться со своим положением, и Марковальдо понял: чтобы заснуть, необходимо сделать что-то, чего – ещё не знал он сам. Даже абсолютная тишина была уже недостаточна. Хватило бы и не полной тишины, но звуков, более мягких и тихих – дуновения ветерка, проходящего поверх зарослей кустарников или журчания ручья, что струится, тераясь в густой траве.

Пришла в голову идея, и он встал. Не то, чтобы собственно идея, потому что он, слегка задремавший, не мог сосредоточиться и не имел никаких мыслей. Скорее это было некое воспоминание, что где-то рядом было нечто, связанное с идеей воды, с её движением.

Действительно, недалеко был фонтан – достойнейший симбиоз скульптуры и гидравлики. С нимфами, фавнами и речными обитателями, сплетающий все эти ручейки и струйки в причудливую игру воды. Но сейчас он молчал: летними ночами, ввиду экономии воды, фонтаны отключались.

Марковальдо поблуждал вокруг немного, как лунатик. Следуя больше инстинктам, чем рассудку он понимал, что любая ванна должна иметь кран. Кто имеет намётанный глаз, находит то, что нужно даже с закрытыми глазами. Он открыл его: из раковин, из бород, из ноздрей лошадей поднялись высокие струи, и вся эта вода зазвучала, как орган с хором на большой пустынной площади, складывая в единое целое шелест, журчание и шум всех вместе взятых струй воды. Ночной патрульный Торнаквинчи, в прескверном настроении снова появившийся на своём велосипеде, увидел, как фонтан прямо перед ним внезапно взорвался водяным фейерверком струй и чуть не свалился с седла.

Марковальдо, стараясь приоткрывать глаза как можно меньше, чтобы не упустить ниточку сна, которую, как ему казалось, он уже ухватил, устремился к заветной скамейке. Вот! Сейчас всё было в точности как на берегу ручья, с лесом вокруг. И он, наконец, заснул.

Снился обед. Перед ним стояло блюдо, покрытое крышкой. Он снял крышку и увидел на блюдедохлуюмышь. Она жутковоняла. Он посмотрел в тарелку жены: там лежалаещёодна негоднаямышь. Перед детьми – другие мышки, поменьше, тоже тухлые. Открыл супницу – там был кот с распоротым животом. Вонь разбудила его.

Невдалеке стоял мусоровоз, по ночам вывозящий накопившиеся за день бытовые отходы. В неясном свете фар можно было различить похрюкивающий кран и тени людей, стоящих на горе мусора. Они вручную направляли контейнер, висящий на кране, вываливали его содержимое в грузовик и утрамбовывали лопатой образовавшуюся кучу, переговариваясь урюмыми надтреснувшими голосами, похожими на хрипы самого крана:

– Майна... Вира... Иди к черту...

Слышался приглушённый стук металла, запуск двигателя, трогание с места и остановка чуть дальше, где всё повторялось снова.

Сон Марковальдо был уже в той глубокой стадии, куда внешние звуки почти не доходили. А те, неприятно-скребущие, что достигали его сознания, были окутаны мягким приглушающим коконом, возможно, из-за особой консистенции утрамбовываемого в грузовик мусора. Но от него исходило такое смрадное зловоние, что, учуяв его, он проснулся. Вонь была ещё более несносной от самой появившейся мысли осознания этой вонь, в отличие от которой даже шум, пусть и мягкий, и отдалённый, и картина грузовика с краном не доходили до мозга как шум и вид. Была только вонь! Марковальдо заметался, тщетно следуя за фантазией ноздрей в поисках аромата роз.

Ночной патрульный Торнаквинчи ощутил выступившие капли пота на лбу, увидев некую тень, бегавшую на четвереньках по газону и нервно срывавшую лютики и затем так же внезапно исчезающую. Но рассудив, что это, возможно, тень собаки (компетенция службы отлова беспризорных животных), или галлюцинация (компетенция врача-психиатра), или же оборотень (компетенция неизвестно кого, но тоже, к счастью, не его) свернул за угол.

Тем временем Марковальдо, вернувшийся на свое ложе, прижимал к носу букет потрёпанных лютиков, пытаясь уловить хоть какой-то аромат, но выжать из них получалось немного, так как эти цветы практически не имеют запаха. Но даже аромат росы, земли и мятой травы были настоящим бальзамом. Отвлёкшись, наконец, от навязчивого запаха он уснул. Был рассвет.

Пробуждение оказалось внезапным от залитого сверкающим солнечным светом неба над головой. К яркому солнцу, которому не была преградой даже густая зелень листвы, зрение привыкло не сразу. Марковальдо резко вскочил: его окатило холодом ледяных брызг из садового шланга муниципального работника, поливавшего газон. Холодные струйки стекали с его одежды. Вокруг гремели трамваи, грузовики, ручные тележки и фургончики. Люди на мопедах спешили на заводы, тянулись вверх железные затворы витрин открывающихся магазинов, окна домов сворачивали жалюзи и их стёкла блистали в лучах солнца. С помятым лицом, заспанными глазами, негнущейся спиной и онемевшим боком Марковальдо поковылял на работу.

Осень

3 Голубь

Маршруты миграции птиц – на юг ли, на север, осенью ли, весной – редко проходят над городами. Стаи идут высоко над хребтами, полями, лесами, следуют по изогнутым линиям рек, ложбинам долин, за невидимым ветром. И почти всегда держатся подальше от города, широкой дугой огибая его, едва вереницы крыш покажутся впереди.

Но однажды осенью полет вальдшнепов случился над одной из городских улиц. Заметил это, как обычно, один Марковальдо, который всегда прогуливался, держа нос по ветру. Был он на трёхколёсном велосипеде с багажником и жал на педали, чтобы не отставать от птиц. Он чувствовал себя настоящим охотником, хоть никогда не держал в руках другого ружья, кроме армейского.

Разогнавшись и смотря вверх на летящих птиц, он вылетел под красный свет на перекрёсток между стоящими машинами и едва не попал под автомобиль. Пока полицейский с лиловым лицом записывал его имя и адрес в блокнот, Марковальдо искал взглядом крылья в небе, но они, увы, исчезли.

На работе штраф вызвал бурю эмоций.

– Ты что, светофоров не видишь? – кричал заведомо синьор Вилиджельмо. – Куда ты смотрел, пустая твоя башка?

– На... стаю вальдшнепов. Смотрел... – ответил он.

– Что??? – у синьора Вилиджельмо, бывшего заядлым охотником, заблестели глаза.

Марковальдо рассказал, как всё было.

– В субботу же беру собаку и ружьё! – сказал заведомо, войдя в азарт и позабыв о недавней вспышке гнева. – Началась охота за ними на холме. Это наверняка та стая, что спугнули охотники наверху, вот она и спустилась в город...

Весь остаток дня мозг Марковальдо крутился и работал, как мельница. «Если в субботу, а это вполне возможно, на холме будет полно охотников, то кто знает, сколько вальдшнепов может оказаться в городе? И если я хоть что-то понимаю в этом деле, в воскресенье буду есть жареного вальдшнепа!».

В многоквартирном доме, где жил Марковальдо, на крыше имелась терраса с натянутыми рядами проволоки для сушки белья. Марковальдо поднялся туда с тремя своими сыновьями, ведром птичьего клея, сваренного из омелы, кистью и мешком кукурузы.

Пока дети разбрасывали повсюду кукурузные зёрна, он обмазал омелой перила, проволоку, и края дымоходов. Намазал так много, что Филиппетто, играя, приклеился и его с трудом оторвали.

Ночью Марковальдо снилась крыша, усыпанная попавшими на приманку вальдшнепами. Его жене Домитилле, прожорливой и ленивой, снились жареные утки, разложенные на трубах дымоходов. Романтичной дочери Изолине, снились колибри, украшающие её шляпку, а Микелино приснился принёсший его аист.

На следующий день дети каждый час по очереди ходили с проверкой на крышу: едва высовывая голову из слухового окошка, они осторожно выглядывали, дабы не спугнуть возможную добычу и затем спускались вниз для отчёта. Новости были неутешительными вплоть до полудня, когда Пьетруччо вернулся, возбуждённо крича:

– Прилетели!!! Идёмте скорей!

Марковальдо взял мешок и пошёл наверх. Добычей стал несчастный голубь, один из тех сизых городских голубей, привыкших к толпам людей и суете площадей. Кружа рядом, другие голуби с тревогой наблюдали, как несчастный пытался высвободить крылья из вязкого плена.

...Семья Марковальдо обгладывала косточки зажаренного голубя, тощего, волокнистого и жёсткого, когда в дверь постучали.

Это была горничная хозяйки.

– Синьора Вас требует к себе! Сейчас же!

Новость встревожила – они не платили за квартиру уже шесть с лишним месяцев и боялись выселения. Марковальдо поплёлся в апартаменты хозяйки, располагавшиеся на первом этаже. Едва ступив в гостиную, он увидел, что там уже был посетитель – тот самый полицейский с лиловым лицом.

– Входите же, Марковальдо, – сказала хозяйка. Мне донесли, что на нашей террасе кто-то охотится на муниципальных голубей. Вы случайно не знаете кто?

Марковальдо похолодел.

С лестницы раздался взволнованный женский голос:

– Синьора! Синьора!

– Что там ещё, Гвендалина?

Вошла прачка.

– Я пошла развешивать бельё на террасу, и всё бельё прилипло. Я дёргала, но оно только рвётся! Все вещи испорчены! Что же это такое?

Марковальдо схватился за живот – у него случилось несварение желудка.

Зима 4 Снег

В то утро его разбудила необычная тишина. Марковальдо с каким-то странным ощущением вылез из постели. Он не мог понять который час. Свет, что проникал сквозь щели жалюзи, был другим. Не таким, как всегда.

Открыл окно. Города больше не было. Вместо него был чистый лист бумаги. Пригляделся внимательней: где-то в глубине этой ослепительной белизны просматривались неясные линии, почти стёртые, совпадавшие с бывшими там ещё вчера проёмами окон, крышами и фонарями, полностью скрытыми под снегом, высыпавшим ночью.

– Снег! – крикнул Марковальдо жене, вернее, сделал попытку крикнуть – звук вышел мягким и приглушённым. Как линии, краски и улицы, снег укутал и звуки. Более того – укутал самую возможность извлечения какого бы то ни было звука. Звуки в этом набитом ватой пространстве просто не имели возможности жить.

Пошёл на работу пешком – трамваи не ходили из-за обилия снега. Прокладывая дорогу по целине, чувствовал себя свободным как никогда ранее. Все границы между тротуарами и проезжей частью исчезли, транспорт встал, и Марковальдо брёл по колено в снегу. Не обращая внимания на набившийся в ботинки снег, он чувствовал себя настоящим хозяином положения: мог идти посреди проезжей части, топтать клумбы и пересекать сплошную линию, двигаться по прямой или зигзагами.

Улицы и проспекты превратились в бесконечные, пустынные, заваленные снегом ущелья меж горных круч. Город затих под белоснежным пледом, и – кто знает? – был ли он по-прежнему всё тем же или стал совсем другим за ночь? Оставались ли ещё под этими белыми холмами бензоколонки, газетные киоски, трамвайные остановки или их там уже не было, если убрать все эти тонны снега? Марковальдо шёл, мечтая затеряться в этом загадочном городе, но вместо этого ноги неуклонно несли его на работу, на самый обычный склад, переступив порог которого, разнорабочий удивился, найдя среди этих стен всё то же самое, как если бы весь мир снаружи рухнул в одночасье, и уцелела только его фирма.

Его ждала лопата. Большая. Выше его. Кладовщик, начальник синьор Вилиджельмо, вручая её, сказал:

– Уборка снега возле нашего здания возложена на нас. То есть на тебя. Марковальдо вскинул лопату на плечо и пошёл на улицу.

Уборка снега – это не шутка, особенно для тех, у кого пусто в животе, но Марковальдо принимал снег с радостью, как своего друга, вырвавшего его из этих четырёх стен, среди которых проходила в заточении его жизнь. Работа зашпорилась, и снег полетел с тротуара на проезжую часть.

...Безработный Сигизмондо тоже был полон благодарности снегу, потому что, будучи в то утро временно зачисленным в уборщики от городской коммуны, был, наконец-то, обеспечен работой на несколько дней. Но его чувства, в отличие от абстрактных фантазий Марковальдо, воплощались в точные расчеты – сколько кубических метров снега нужно переместить, чтобы очистить заданные квадратные метры дороги. Он старался показать себя начальнику бригады с хорошей стороны и лелеял тайную цель – устроиться туда на постоянную работу.

Сигизмондо обернулся. И что же он увидел? Участок проезжей части, только что им очищенный, был снова засыпан снегом неким типом, орудовавшем на тротуаре. Его чуть не хватил удар. Подбежал и приставил полную снега лопату к его груди.

– Эй! Это ты накидал столько снега там?

– А? Что? – вздрогнул Марковальдо, но всё же признался: – Ну да, наверное, я.

– Так вот! Или ты сейчас же уберёшь его отсюда своим совочком или я тебя заставляю съесть весь этот снег до последней снежинки!

– Но я должен очистить тротуар.

– А я проезжую часть! И что?

– А куда его девать?

– Ты от муниципалитета?

– Нет. От фирмы «Сбав».

Сигизмондо объяснил, что сваливать снег надо на поребрик, и Марковальдо переделал всё как надо. Удовлетворённые, с лопатами, воткнутыми в снег, они стояли, созерцая результаты проделанной работы.

– Закурить есть? – спросил Сигизмондо.

Они раскуривали одну сигарету на двоих, когда снегоуборочная машина тихо прошлась по улице, поднимая за собой два больших белых облака по сторонам. Любой производимый шум в то утро ощущался лёгким шелестом, и они не обратили на неё внимания. А когда подняли взгляд, увидели, что вся дорога, которую они чистили, была снова покрыта снегом.

– Что? Опять пошёл снег? – подняли глаза к небу. Машина, крутя своими щётками, уже сворачивала за угол.

Марковальдо приноровился складывать снег компактной стеночкой. Если продолжать укладывать его так, то можно было соорудить персональную дорожку для себя одного, путь, который вёл, куда знал только он, и все остальные здесь бы заблудились. Эх, переделать бы весь город, сложить высокие, как дома, горы из снега, чтобы никто не мог отличить их от настоящих зданий. Или же все дома сделать из снега, внутри и снаружи. Целый город из снега – с памятниками, колокольнями и деревьями. Город, который можно снести ударом лопаты и возродить в новых формах.

На краю тротуара в одном месте образовалась впечатляющая куча снега. Марковальдо собрался было подравнять её до высоты стенок, которые он сооружал, и не сразу догадался, что это автомобиль – роскошная машина синьора командора Альбоино, заваленная снегом. Заметив, что разница между автомобилем и настоящей кучей снега была мала, Марковальдо лопатой принялся придавать сугробу форму машины. Дело спорилось: действительно, между ними двумя не оставалось почти никакой разницы и было сложно понять, которая из них настоящая. Для придания своему творению законченности, Марковальдо использовал железки, попавшиеся под лопату во время уборки: ржавой банкой обозначились контуры фар, а куском водопроводного крана – дверная ручка.

Едва дело было сделано, как у соседнего подъезда случилось большое оживление и суета – с низкими поклонами портье, швейцарами и посыльными – синьор командор Альбоино вышел из дверей.

Близорукий и энергичный, в спешке он двинулся к своей машине, схватился за кран, который торчал из-под снега, дёрнул его и, опустив голову, воткнулся в снег по самую шею.

Сам Марковальдо в этот момент благоразумно исчез за углом, собираясь чистить двор.

Во дворе дети слепили снеговика.

– Носа не хватает! – крикнул один из них, и все дружно побежали по своим кухням искать морковку.

Марковальдо стал разглядывать снеговика. «Вот ведь как: под снегом невозможно отличить, что сделано целиком из снега, а что им лишь покрыто. И только человеку известно, что я – это я, а не вот этот».

Блуждая в своих медитативных рассуждениях, он не расслышал, как с крыши двое мужчин ему закричали:

– Эй, там, внизу, отойди в сторону!

Они скидывали снег с крыши. Внезапно большая куча снега центнера в три свалилась прямо на Марковальдо.

Вернулись дети с добытыми морковками.

– Ого! Тут слепили ещё одного! – В середине двора стояли рядом две идентичные белые фигуры.

– А давайте приделаем носы обоим! – и воткнули морковки в головы снеговиков.

Марковальдо был скорее мёртв, чем жив. Но, будучи похоронен и заморожен под слоем снега, вдруг почувствовал через свою новую оболочку пришествие некой пищи и принялся жевать.

– Мама мия! Морковка исчезла! – дети были очень напуганы.

И только самый отважный из них не растерялся, восстановив нос припасённым стручком острого перца.

Снежный человек проглотил и это.

Тогда попытались сделать нос из куска угля. Марковальдо что было силы выплюнул эту гадость.

– Спасите! Помогите! Он живой! Живой! – ребята в страхе разбежались.

В углу двора была решётка, из которой валил пар. Марковальдо тяжёлыми шагами снеговика дошёл до неё. Снег начал таять и стекать с одежды, постепенно проявляя контуры прежнего Марковальдо, но уже с опухшим и заложенным от простуды носом.

Чтобы согреться взял лопату и приступил к работе. Захотелось чихнуть, но это желание застряло где-то в носу и никак не хотело выходить наружу. Марковальдо продолжил работать лопатой с уже зажмуренными глазами, но чих по-прежнему оставался в том же месте. И, наконец, раздалось почти ревущее «Аааап...». Последовавшее за ним «...чхи!» было сильнее, чем разрыв мины. Взрывной волной Марковальдо был отброшен к стене.

Чих Марковальдо вызвал настоящий вихрь. Весь снег во дворе закружился метелью, и был втянут, будто пылесосом, обратно в небо.

Марковальдо очнулся и приоткрыл глаза: двор был полностью очищен, до последней снежинки. Перед глазами Марковальдо предстала прежняя унылая картина с серыми стенами, складскими ящиками и какими-то угловато-враждебными предметами, всегда лежащими тут...

Весна**5 Осы**

Зима прошла, оставив в память о себе ревматические боли. Слабое весеннее солнце уже расцвечивало погожие денёчки, и Марковальдо проводил по несколько часов в день на скамейке, радуясь распускающейся листве и ожидая после долгой болезни выхода на работу. К нему, бывало, подсаживался сторбленный старичок в перешпопанном много раз пальто, некий синьор Рициери, одинокий пенсионер, тоже любящий погреться на солнышке. Иногда синьор Рициери начинал извиваться и ойкать, хватаясь за поясницу. Он обладал обширной коллекцией ревматических болей, артритов и прострелов, которые ему удавалось скопить за мокрую и холодную зиму, и кои затем продолжали преследовать его в течение всего года. Чтобы хоть как-то утешить старика, Марковальдо рассказывал ему о различных стадиях ревматизма своего, своей жены и старшей дочери, бедняжки Изолины, что росла не очень здоровой.

Марковальдо каждый день приносил с собой обед, завёрнутый в газету. Сидя на скамейке, он разворачивал его и давал мятый обрывок газеты синьору Рициери, который с нетерпением брал его в руки, приговаривая:

– Посмотрим, посмотрим, какие тут у нас новости, – и читал с большим интересом, даже если они были двухгодичной давности.

И вот, в один прекрасный день им попала статья о методе лечения ревматизма пчелиным ядом.

– Наверное, мёдом? – переспросил склонный к оптимизму Марковальдо.

– Нет, – сказал Рициери, – здесь написано «ядом», из жала, – и прочел ему вслух. Дискутировали долго на счёт пчёл, их полезности, и стоимости такого лечения.

С тех пор, прогуливаясь по проспекту, Марковальдо держал ухо востро, улавливая каждое жужжание и провожая взглядом каждое пролетающее мимо насекомое. Так, наблюдая за полётом осы с толстым брюшком в чёрно-жёлтую полоску, он заметил, что она влетела в дупло одного из деревьев, а другие осы вылетали оттуда: гул же означал наличие целого роя внутри ствола. Не мешкая, Марковальдо приступил к охоте. Он достал припасённую стеклянную банку с остатками джема и поставил возле дерева. Довольно скоро одна из ос заползла внутрь, привлечённая сладким ароматом. Марковальдо быстро закрыл банку крышкой из бумаги.

Демонстрируя синьору Рициери ёмкость с разъярённой потерей свободы осой, предложил:

– Ну-с, сделаем инъекцию?!

Старик был в нерешительности, но Марковальдо ни за что не хотел откладывать эксперимент и настаивал на том, что это нужно сделать тут же, на скамейке, тем более, что пациенту даже не нужно было раздеваться. Со страхом и надеждой синьор Рициери подобрал края пальто, пиджака и рубашки и, отыскав брешь в дырявой майке, обнажил нужную точку на пояснице. Марковальдо приставил закрытое отверстие банки к этому месту и вынул бумагу, служившую крышкой. Сначала ничего не происходило – оса была неподвижна и возможно уснула.

Чтобы её раззадорить Марковальдо постучал по дну банки и добился своего: насекомое ринулось вперед и вонзило жало в поясницу синьора Рициери. Раздался вопль, старик вскочил на ноги и начал расхаживать, как солдат на параде, потирая место укуса и бессвязно ругаясь.

Марковальдо был удовлетворён результатом – никогда ещё старик не был таким выпрямленным и бойким. Рядом остановился полицейский, пристально поглядывая на них. Марковальдо, насвистывая, взял Рициери под руку, и они удалились прочь.

Домой он вернулся с другой осой в банке. Не без труда уговорил жену сделать и ей укольчик. Домитилла пожаловалась лишь на жжение в месте укуса.

Марковальдо решил наловить ещё ос. Сделал инъекцию Изолине и вторую Домитилле, так как только систематическое лечение может дать положительный результат. И, наконец, решился сделать укол себе. Дети, подражая отцу, тоже хотели попробовать:

– И я, и я! – но Марковальдо предпочел подготовить банки и отправить детей на отлов новых ос для ежедневного употребления.

Вскоре к нему домой пожаловал синьор Рициери. С ним был ещё один старичок, кавалер Ульрико, подволакивающий ногу и намеревающийся безотлагательно начать лечение.

Слух расползлся. Марковальдо поставил процесс на поток и всегда держал полдюжины ос в резерве, каждую в отдельной стеклянной банке, выстроившихся на полке. Прикладывал банку к больному месту пациента как шприц, вынимал бумажную крышку, и, когда оса ужаливала, с видом опытного врача протирали место укола смоченной спиртом ваткой. Его квартира состояла из одной комнаты, в которой спала вся семья. Её разделили ширмой: тут – импровизированная приёмная, там – процедурная. В приёмной жена Марковальдо принимала клиентов и гонорары. Дети забирали пустые банки и бежали к гнезду за новыми осаами. Иногда осы их жалили, но они почти не плакали, потому что знали, как это было полезно для их здоровья.

В том году ревматизм, как осьминог, охватил город своими щупальцами, и лечение Марковальдо пользовалось всё большей популярностью. И вот в субботу после обеда в его бедную мансарду вторглась большая группа страдающих мужчин и женщин, держащихся кто за поясницу, кто за бока. Тут были и нищие в рваной одежде и состоятельные, богатые люди, которых привлекала новизна этого средства.

– Быстро, – сказал Марковальдо своим трём сыновьям, – возьмите банки и наловите как можно больше!

Был солнечный день, и на проспекте летало много ос. Ребята привыкли охотиться на них немного в стороне от дерева с дуплом, отлавливая одиночных насекомых. Но в тот день Микелино, чтобы наловить побыстрее и побольше, начал охоту возле самого отверстия дупла.

– Смотрите, как надо, – сказал он братьям, пытаясь поймать осу банкой, едва та садилась. Но ей удавалось улетать, и с каждым разом она садилась всё ближе и ближе к гнезду. Теперь она села на самый край дупла, и Микелино уже хотел было накрыть её банкой, когда заметил, что две другие крупные осы подлетели к нему, намереваясь укусить в голову.

Он попытался отмахнуться, почувствовал вонзающиеся жала и, закричав, отпустил банку. Но в следующий миг забыл о боли от испуга: банка упала внутрь дупла, жужжание прекратилось и в гнезде стало подозрительно тихо. У Микелино не было сил закричать, и он попятился, когда из гнезда вырвалось чёрное облако и раздался зловещный гул: в один миг из гнезда вылетели все осы до единой, поднявшись плотным разъярённым роем!

Микелино издал вопль и побежал прочь со всех ног. Он нёсся на всех парáх и напоминал трубу паровоза, из которой валил чёрный густой дым.

Куда обычно убегает ребенок от преследования? Правильно, домой! Так поступил и Микелино.

У прохожих не было достаточно времени, чтобы уяснить странный симбиоз облака и человека, пронёсшийся по улицам с рёвом, жужжанием и гулом.

– Ещё чуть-чуть потерпите, сейчас придут осы, – так Марковальдо успокаивал своих пациентов, когда дверь распахнулась, и осиный рой ворвался в комнату. Никто не заметил Микелино, спрятавшего голову в таз с водой: вся комната была заполнена осами, и пациенты беспорядочно размахивали руками в тщетной попытке отогнать их: ревматики показывали чудеса ловкости и их скрюченные до сего момента конечности мелькали в яростных движениях тут и там.

Приехали пожарные, а затем и «Красный Крест».

...Опухший до неузнаваемости Марковальдо смирно лежал в больничной палате, безропотно выслушивая доносящиеся с соседних коек ругательства его недавних клиентов.

Лето 6 Песок

– Ваш ревматизм, – заявил доктор из службы медицинского обеспечения, – неплохо бы за лето как следует прогреть песочными ваннами.

И ближайший субботний день Марковальдо посвятил прогулке по берегу реки, в поисках места с сухим, прогретым солнечными лучами песком. Но там, где имелся песок, река была полна скрежета и грохота – трудились драги и экскаваторы. Старые, как динозавры, машины выгребали песок со дна реки и сваливали огромными ковшами в стоящие среди ив грузовые автомобили строительных фирм. Ряды чашек земснарядов без устали поднимались вверх и, опрокидываясь, опускались обратно за новыми порциями песка. Экскаваторы поднимали на длинной шее ковши, похожие на зоб пеликана, сочащиеся каплями чёрной жижи, поднятой со дна. Марковальдо наклонился пощупать песок. Он был холодным и мокрым. Даже на солнце, где уже образовалась на поверхности сухая и рассыпчатая корка, сантиметром ниже он был всё ещё влажным.

Дети Марковальдо, которых отец взял с собой в надежде на их помощь в закапывании себя в песок, изводились от желания купаться.

– Папа, папа, можно мы окунёмся? Можнокупаемся в реке?

– Вы с ума сошли?! Видите знак «Купаться запрещено!»?! Утонете! Уйдёте камнем на дно! – И объяснил, что на дне реки, в местах, где работали земснаряды, остаются ямы, или омуты, которые закручивают воду в водовороты.

– Водоворот, покажи водоворот! – детей развеселило это слово.

– Он невидим, хватает тебя за ногу, когда плывёшь, и утягивает вниз.

– А вон то, почему не тонет? Это что, рыба?

– Нет, это дохлая кошка, – объяснял Марковальдо. – Не тонет, потому что у неё полное брюхо воды.

– А кошку водоворот за что хватает? За хвост? – спросил Микелино.

На поросшем травой берегу, в месте более широком и пологом, возвышалось большое сооружение для просеивания песка.

Двое рабочих просеивали кучу песка, лопатами перегружая его на чёрное и низкое плоскодонное судёнышко типа баржи, которое стояло там, привязанное к иве. Двое бородатых мужчин работали под палящим солнцем в шляпах и куртках. Вся одежда на них была изношенной и заплесневелой. Брюки оканчивались лохмотьями у колен, обнажая голени и ступни ног.

В этом месте песок лежал уже много дней и был сухим, просеянным от шлаков и чистым, как на морском берегу. Марковальдо нашёл именно то, что хотел. Но, похоже, поздно: песок был почти весь загружен на баржу и готов к отправке...

Однако рабочие сделали паузу, достали оплетённую флягу с вином и приложились к ней пару раз, осушив до дна, а затем улеглись в тени тополей, чтобы переждать самую жару.

«Пока они будут спать, я незаметно зароюсь в песок и хорошенько прогрею свой ревматизм!» – подумал Марковальдо, сказав детям:

– Давайте-ка, помогите!

Взобравшись на баржу, он снял с себя рубашку, брюки и ботинки, и лёг в песок.

– Возьмите лопату и засыпьте меня! – сказал своим детям.

– Нет-нет, голову не надо! Мне же нужно как-то дышать! А всё остальное зарывайте!

Детям было в радость сделать большую постройку из песка.

– Поиграем с формочками? Нет, лучше сделаем замок с зубцами!

– Хватит, достаточно. А теперь уходите! – выдавил Марковальдо из-под своего саркофага.

– Но сперва прикройте мне панамой лоб и глаза. И спускайтесь на берег. Идите играть подальше отсюда, не то разбудите рабочих и они прогонят меня!

– Мы можем покатать тебя по речке, потаскав за верёвку этот кораблик, – предложил Филиппетто, уже наполовину отвязавший баржу.

Обездвиженный Марковальдо, скривил рот и выпучил глаза:

– Если не уберётесь сейчас же, я вылезу и разгоню вас лопатой! – и ребят простыл и след.

Солнце палило и песок обжигал Марковальдо, обливающегося потом под бумажной панамой. Он испытывал мучения от своей неподвижности и жары. Но одновременно с этим пребывал в предвкушении чувства удовлетворения, приходящего после трудного лечения и неприятных процедур. Он думал: чем хуже мне сейчас, тем полнее будет выздоровление.

Он уснул от лёгкого покачивания на волнах. Баржа то чуть отпускала, то вновь натягивала канат. От этих покачиваний узел, который Филиппетто успел ослабить наполовину, развязался. И гружёная песком баржа, повинаясь течению, ушла в свободное плавание.

Наступил самый жаркий час дня. Всё спало: человек, погребённый в песке, будки на дебаркадерах, опустевшие мосты, дома с наглухо закрытыми ставнями. Река была мелкой, но плоскодонка, подхватываемая течением, избегала отмелей, которые попадались тут и там, порой лишь слегка цепляя их дном, чтобы тотчас вернуться в более глубокие воды.

В один из таких лёгких толчков Марковальдо очнулся. Он увидел залитое солнцем небо по которому плыли летние невысокие облака. «Как быстро они бегут, – подумал он, – при том, что нет ни ветерочка!» Потом увидел электрические провода, проплывшие над ним с той же скоростью. Перевёл взгляд в сторону, насколько это позволял центнер песка, давящий сверху. Правый берег был далеко, он был зелёный и двигался. Левый был серый, тоже далеко и также проплывал мимо.

Он понял, что очутился на середине реки. И никто не мог ему помочь: совершенно один, похороненный в барже с песком и дрейфующий без вёсел и руля. Он понимал, что нужно встать, попытаться как-то причалить и позвать на помощь. Но мысль, что лечебная процедура требует полной неподвижности, довлела над ним, заставляя находиться без движения как можно дольше, дабы не упустить ни одной секунды лечения.

Он увидел мост. По статуям и фонарям, украшающим балюстрады, по высоте арок, уходящих в небо, узнал его: он и не думал, что уже находится так далеко. И тут, проходя под мостом, вспомнил о порогах. В сотне метров за мостом русло реки делало уступ, и кораблик должен был упасть и неминуемо перевернуться, накрыв его собой слоем песка и воды, без какой-либо надежды остаться живым. Но даже в этот момент его более всего огорчала возможная утеря благотворного воздействия процедуры!

Он ждал удара. И он случился. Но почему-то – снизу вверх. На самом краю порога, сильно обмелевшего в это время, были скопления грязи, там и сям зеленеющие тощими кустиками тростника и камыша. Баржа наскочила на одно из них всем своим плоским днищем, подбросив песок с закопанным в нём человеком. Марковальдо как из катапульты вылетел в воздух, и увидел под собой реку. То есть собственно реки он не видел, а только множество людей, которых было полным-полно в воде.

В субботу во второй половине дня огромная масса отдыхающих плескалась в этой части реки, где вода доходила только до пупка. Стайки детей, тучные дамы, неподвижные синьоры, девушки в бикини, задиристые парни, матрасы, мячи, спасательные круги, автомобильные покрышки, гребные лодки, байдарки, плоты, резиновые лодки, лодки с мотором, лодки спасателей, лодки гребного клуба, рыбаки с сетями, рыбаки с удочками, старики с зонтами, женщины в соломенных шляпках и собаки, собаки, собаки – от пуделей до сенбернаров, так, что не было видно ни сантиметра свободной воды.

Марковальдо, воспарив над всем этим пёстрым разнообразием, не был уверен – упадёт ли на надувной матрасик или в руки дебелой матроны. Но в одном был уверен точно: ни одна капля воды его не коснётся...

*Осень***7 Контейнер для еды**

Ценность посуды, круглой и плоской, называемой «контейнер», состоит прежде всего в том, что она развинчивается. Уже само отвинчивание крышки вызывает слюноотделение во рту, особенно, если вы ещё не знаете, что там находится внутри, поскольку для вас его готовит каждое утро ваша жена. Наконец, контейнер открыт и вы видите там еду, которая не может не нравиться: колбаски с чечевицей, вареные яйца со свеклой или каша с сушёной рыбой – всё аккуратно уложено в эту окружность, будто материи и моря помещены на карту земного шара. Вообще на свете есть мало вещей, производящих подобный эффект чего-то существенного и, вместе с тем, компактного. Отвинченная крышка превращается в тарелку и у вас уже есть целых два сосуда, так что вы можете, не мешкая, начинать перекладывать содержимое.

Разнорабочий Марковальдо отвинтил крышку контейнера и жадно вдохнул аромат. В руке он держал столовые приборы, что всегда носил с собой в кармане с обеда и вплоть до возвращения домой. Первые движения вилок служат для умягчения слегка отвердевших блюд, придавая им рельефность и привлекательность свежеприготовленной пищи, тотчас поданной к столу, в отличие от той, что успела слежаться за много часов. Когда вы замечаете, что еды мало, думаете: «Буду есть медленно». Но степенно доносится до рта лишь первый кусок, затем ритм ускоряется и сменяется на быстрые и жадные взмахи вилок.

Сперва вы чувствуете некое разочарование от того, что приходится есть холодное, но, едва осознав вкус родной домашней еды, это чувство сменяет радость, непостижимым образом перенося вас домой к семейному столу. Марковальдо привык жевать медленно, сидя на уличной скамейке, недалеко от места своей работы. Поскольку его дом довольно далеко и ездить туда на обед – потеря времени и приобретение лишних дырок в трамвайном билете, он приносит обед в контейнере, купленном специально для этого и ест на открытом воздухе, разглядывая проходящих мимо людей, а потом пьёт воду из фонтана. Если осенним днём выглядывает солнце, он выбирает места, куда достаёт тёплые ещё лучи. Падающие с деревьев ярко красные, блестящие листья служат ему салфетками. Колбасные шкурки идут бродячим собакам, которые быстро становились его друзьями. А хлебные крошки подбирают воробьи, уловив момент, когда рядом нет прохожих.

Обедая, он раздумывает: «Почему вкус приготовленных моей женой блюд всегда приятен здесь, а дома, среди ссор, плача и долгов, о которых заходит речь в каждом разговоре, никак не получается его оценить?» И затем: «Вот это блюдо, например, мне напоминает остатки вчерашнего ужина». И возвращается недовольство, возможно, потому, что он ест объедки, холодные и немного прогоркшие, или потому, что алюминиевый контейнер даёт металлический привкус пище. И ещё одна мысль закрутилась в голове: «Одного воспоминания о Домитилле достаточно, чтобы испортить ему обед даже тут, вдалеке от неё».

Но видя, что обед подошёл почти к концу, ему снова кажется, что это блюдо какое-то очень лакомое и необычное и он доедает с энтузиазмом и благоговением последние кусочки на дне контейнера, больше всего пропитанные привкусом металла. В конце концов, при созерцании уже пустой и грязной посуды грусть возвращается снова.

Завернув и сунув посуду в карман, он поднимается. Ещё слишком рано, чтобы вернуться на работу. В широком кармане куртки столовые приборы барабанили по пустому контейнеру. Марковальдо идёт в винный погребок, прося налить бокал непременно до краёв. Или в кафе – выпить чашечку кофе. Затем рассматривает пирожные за стеклянной витриной, коробки с конфетами и нугой, и убеждает себя, что он их совсем не хочет, что не хочет вообще ничего. Глядит мельком на настольный футбол, чтобы как-то отвлечься и обмануть

хотя бы время, если не аппетит. Выходит на улицу. Подходит переполненный трамвай. Самое время вернуться с обеда – и он направляется на работу.

...Случилось, что жена Домитилла, по каким-то своим соображениям купила большое количество колбасок. И в течение трёх вечеров подряд на ужин Марковальдо ел эту колбасу и репу. Очень похоже, что эта колбаса была из собаки – одного запаха было достаточно, чтобы пропал аппетит. Что касается репы, овоща бледного и непонятного, то это был единственный овощ, который Марковальдо терпеть не мог.

И вот опять: всё та же колбаса с репой, холодные и жирные лежали в контейнере. Постоянно забывающий, что ел вчера на ужин, он всегда отвинчивал крышку с любопытством гурмана, и каждый день было всегда одно и то же разочарование. На четвёртый день он потыкал содержимое вилкой, понюхал ещё раз, встал со скамейки, и, держа в руке открытый контейнер, побрёл в рассеянности по бульвару. Прохожие с удивлением смотрели на прогуливающегося человека, держащего в одной руке вилку, а в другой миску с колбасой и почему-то не решающегося отправить в рот первый кусок.

Из одного окна высунулся ребенок, окликнув его:

– Эй, человек!

Марковальдо поднял глаза. Из окна цокольного этажа роскошной виллы выглядывал ребенок, оперевшийся локтями на подоконник. Перед ним стояло блюдо.

– Эй, человек! Что ты ешь?

– Колбасу с репой!

– Повезло! – сказал ребенок.

– Да уж... – ответил Марковальдо расплывчато.

– Представь, а я должен есть эти жареные мозги...

Марковальдо, оглядел тарелку на подоконнике. Там были настоящие жареные мозги, мягкие и кудрявые, как кучевые облака. Его ноздри затрепетали.

– А что, тебе не нравится мозг? – спросил он у ребенка.

– Нет, меня заперли в наказание, потому что я не хочу его есть. Сейчас я выброшу его из окна.

– А колбаса тебе нравится?

– О, да! Напоминает ужа... В нашем доме её никогда не едят...

– Тогда давай мне свою тарелку, а я тебе дам свою.

– Ура!!! – ребенок был очень доволен. Передал человеку свою майоликовую тарелку с серебряной инкрустированной вилкой, а человек передал ему контейнер с оловянной.

Так, вдвоём и ели: ребенок на подоконнике и Марковальдо на скамейке напротив, оба облизывали губы, приговаривая, что никогда в жизни не пробовали ничего вкуснее.

Но вот позади ребенка появилась гувернантка, уперев руки в бока.

– Бог мой! Что ты ешь?

– Колбасу! – изрёк ребёнок.

– И кто тебе её дал?

– Вон тот господин, – и указал на Марковальдо, который продолжал свою трапезу, медленно и старательно разжёвывая каждый кусочек.

– Выброси тотчас! Что я слышу! Выброси немедленно!

– Но это же вкусно...

– Где твоя тарелка? А вилка?

– У этого господина... – и снова указал на Марковальдо, держащего поднятую вилку с нанизанным на ней кусочком мозга.

Она закричала:

– Вор! Вор! Наши столовые приборы!

Марковальдо встал, посмотрел ещё разок на содержимое тарелки, где оставалась добрая половина, подошёл к окну, поставил на подоконник тарелку с вилкой, взглянул с презрением на гувернантку и отошёл. Сзади услышал стук катящегося по тротуару своего контейнера, плач ребенка, и грохот захлопывающегося окна. Он наклонился, чтобы поднять контейнер и крышку. Они были немного помяты и крышка плохо завинчивалась. Сунул их в карман и пошёл на работу...

Зима

8 Лес

Холод имеет тысячи форм и тысячи способов распространения по миру. По морю он несётся табуном лошадей, на поля налетает стаяй саранчи, в городах лезвием ножа разрезает улицы, проникая в щели не отапливаемых домов.

В доме Марковальдо тем вечером закончился хворост и вся семья, укутавшись, смотрела то на бледнеющие угли в печи, то на пар, идущий изо рта. Не говорили ни о чём – пар изо рта говорил вместо них: жена выдыхала длинные-длинные, как её вздохи, струи; дети выпускали разновеликие облачка, похожие на мыльные пузыри; Марковальдо прерывисто пыхтел вверх облачками, напоминающими проблески тотчас же исчезающего озарения.

В конце концов Марковальдо решился:

– Пойду за дровами. Кто знает, найду ли... – Он сунул четыре или пять газет между пиджаком и рубашкой для дополнительной защиты от порывов ветра, спрятал под пальто длинную зубастую пилу и ушёл в ночь под долгими, полными надежд взглядами домочадцев, шурша газетами, и с пилой, при каждом шаге выглядывающей из-под отворота пальто.

Легко сказать – найти дрова в городе! Марковальдо направился к скверу, находящемуся между соседними улицами. Не было ни души. Марковальдо изучал одно за другим голые деревья, думая о своей семье, которая ждала его, стуча зубами от холода...

Озябший маленький Микелино читал книгу сказок, взятую в школьной библиотеке. Книга рассказывала о маленьком сыне дровосека, который один пошёл с топором в лес рубить дрова.

– Вот куда нужно идти, – сказал Микелино, – в лес! Там наверняка есть дрова! – он родился и вырос в городе и никогда не видел леса даже издалека.

Сказано – сделано. Договорился с братьями: один взял топор, другой – крюк, третий – верёвку. Попрощались с матерью и пошли искать лес.

Они проходили по освещённому уличными фонарями городу и не видели ничего, кроме домов: леса нигде не было.

Попадались редкие прохожие, но ребята не решались спросить у них, в какой стороне лес. Так они дошли до края города, где дома заканчивались и улица переходила в автостраду.

По обоим сторонам дороги они, наконец, увидели лес: густые кроны странных деревьев загораживали равнину.

Они имели очень тонкие стволы, ровные и наклонённые. Кроны их были плоские и широкие, причудливой формы и разнообразных цветов. Проехавший мимо автомобиль осветил фарами деревья с их странными ветвями в виде зубной пасты, лиц, сыра, рук, бритв, бутылок, коров и шин, усеянных листвой из букв алфавита.

– Ура-а-а!! – закричал Микелино, – вот он – лес!

Братья смотрели заворуженно на то, как луна проглядывала между этими странными тенями:

– Вот это да...

Микелино вспомнил о цели путешествия. Дрова! Срубили деревце в виде жёлтого цветка примулы, разрубили на куски и понесли домой.

...Марковальдо, вернувшись с тощей связкой сырых веток, обнаружил, что печь уже вовсю топилась.

– Где вы это взяли?! – воскликнул он, указывая на обломки рекламного щита, сгоравшего, будучи сделанным из фанеры, очень быстро.

– В лесу! – промолвили дети.

– В каком ещё лесу?

– В том, что вдоль шоссе. Там их полно!

Видя, что всё можно сделать так просто и что им ещё были нужны дрова, много дров, он решился последовать примеру детей.

Марковальдо повернулся и снова вышел из дому, направившись со своей пилой в сторону шоссе...

Инспектор дорожной полиции Астольфо, немного близорукий, ехал этой ночью на своём мотоцикле по служебным надобностям. По правде говоря, ему нужны были бы очки, но он никому об этом не говорил из-за страха перед будущим его карьеры.

В тот вечер донесли о случае повреждения группой злоумышленников рекламных щитов на шоссе. Инспектор Астольфо был направлен на место происшествия для проверки.

По сторонам дороги Астольфо сопровождал лес странных фигур, предостерегающих и жестикулирующих. Он внимательно изучал каждую из них вытаращенными подслеповатыми глазами. И вот, фара мотоцикла неожиданно высветила взобравшегося на щит злоумышленника. Астольфо затормозил:

– Эй! Что вы там делаете? Да, вы! Немедленно слазьте! – но, злоумышленник не двигался и нагло показывал ему язык. Астольфо подошёл ближе и понял, что это реклама сырков, а злодей не настоящий, а нарисованный, облизывающий губы от удовольствия.

– Вот незадача, – с досадой проворчал Астольфо, вновь устремляясь в погоню за блестящей карьерой.

Вскоре в тени другого рекламного щита высветилась унылая и перепуганная физиономия.

– Эй, там, стоять! Не двигаться! – но никто и не думал убегать: это было нарисованное посреди ноги человеческое лицо, страдающее от мозолей: реклама лечебного пластыря.

– Ой, извините, – промямлил Астольфо, возвращаясь к мотоциклу.

На рекламе пилуль от мигрени размещалась огромная голова человека с руками, прижатыми к вискам от боли. И тут свет фары осветил Марковальдо, взобравшегося на самый верх и пытающегося пилой отрезать кусок щита.

Ослеплённый светом, Марковальдо казался совсем маленьким. Он замер от страха, зацепившись за ухо огромной головы, с пилой, распилившей уже половину лба.

Астольфо хорошенько изучил рекламу:

– О, таблетки Стаппа! Какая эффектная реклама! Блестящая идея! Человек с пилой символизирует мигрень, от которой голова разламывается пополам! Я сразу понял! – И довольный догадкой последовал дальше.

Всё стихло. Лишь тишина и мороз окутывали окрестности. Марковальдо выдохнул с облегчением, сменил неудобную позу и возобновил работу. Из темноты ночного неба ещё долго доносился приглушённый плач его пилы...

Весна

9 Свежий воздух

– Вашим детям, – сказал доктор службы медицинского обеспечения, – нужно хотя бы иногда дышать свежим воздухом среднегорья, порезвиться на лугах...

Врач стоял между кроватей в полуподвальном помещении цокольного этажа, где проживало семейство Марковальдо, и прижимал стетоскоп к спине маленькой Терезы между лопатками, хрупкими, как крылья неоперившегося птенчика. Кроватей было две и четверо детей, все больные, выглядывали из-за изголовья кроватей с пылающими щеками и блестящими глазами.

– На лугах – это на газонах у площади? – спросил Микелино.

– Среднегорье – это на небоскрёбе? – уточнил Филиппетто.

– А свежий воздух едят? – подключился к разговору Пьетруччо.

Марковальдо, длинный и худой, и его жена Домитилла, низкая и коренастая, облокотились с двух сторон на покосившийся комод. Не меняя позы они вскидывали свободные руки и хлопали себя по бокам:

– И как вы себе это представляете? Как, имея столько голодных ртов и по уши в долгах, мы можем это сделать?

– Самое лучшее место, куда мы можем отправить их, – пояснил Марковальдо, – это наша улица.

– А свежего воздуха будет в избытке, – подытожила Домитилла, – когда нас выселят отсюда ночевать под звёздами.

В субботу днём, едва дети выздоровели, Марковальдо повёз их на прогулку на ближайший к городу холм. Они жили в районе города, который был удалён от холмов больше всего. Чтобы добраться до ближайших склонов, они долго ехали в забитом людьми трамвае и дети видели вокруг себя только ноги пассажиров. Постепенно трамвай пустел, окна, наконец, освободились от заслонявших их людей, и уже можно было разглядеть тянувшийся вверх бульвар. Так они добрались до конечной и далее пошли пешком.

Весна вступала в свои права: деревья зацветали на тёплом солнышке. Дети растерянно смотрели вокруг. Марковальдо вёл их по одному из переулков в виде длинной лестницы, которая поднималась среди зелени.

– Разве бывают лестницы, не ведущие к дому? – спросил Микелино.

– Это не лестница к дому, это улица.

– Улица?... А как машины ездят по ступенькам?

Вокруг располагались каменные ограды садов, за которыми виднелись деревья.

– Стены без крыш... здесь разве бомбили?

– Это сады... они похожи на дворы... – объяснял отец. – Дом в глубине – там, за этими деревьями.

Микелино покачал в сомнении головой, мало убеждённый ответом:

– Но дворы бывают внутри домов, а не снаружи.

Терезина, спросила:

– В этих домах живут деревья?

Потихоньку взбираясь вверх Марковальдо чувствовал, как с каждым шагом всё больше и больше отдаляется от заплесневелого запаха склада, в котором таскал коробки по восемь часов в день, от пятен сырости на стенах своего жилья, от оседающей пыли, что золотится, кружась в конусе солнечного света, пробивающегося из форточки, от выматывающего кашля по ночам. Даже дети не казались ему такими желтушными и хилыми, уже успев немного пропитаться этим светом и свежей зеленью.

– Вам нравится здесь?

– Да!

– Почему?

– Здесь нет полицейских. Можно запросто рвать цветы и кидаться камнями.

– И дышать. Дышите?

– Нет.

– Здесь свежий воздух.

Начали жевать:

– А мы его не чувствуем. Он пустой и безвкусный.

Поднялись почти на гребень холма. На очередном повороте город открылся перед ними, внизу, в глубине долины, как безграничный лабиринт серой паутины улиц. Дети беззаботно валялись на лужайке, как будто бы ничего другого и не делали в своей жизни. Подул ветерок – близился вечер. В городе кое-где уже зажигались фонари, неясно мерцая своими огоньками. На Марковальдо нахлынула волна сентиментальных воспоминаний о том, как приехал молодым в этот город. От этих улиц, от далёких манящих огней он, как и тогда, всё ждал чего-то, незащищенный перед грядущей неизвестностью. Ласточки кидались головой вниз, пикируя и стремительно носясь над городом.

Охватила грусть от того, что было нужно возвращаться. Разглядел в сгустившемся вечернем воздухе очертания своего района: он казался свинцовой застывшей далью, покрытой плотной чешуёй крыш с лоскутами дымов, развевающимися над почти не видимыми отсюда дымоходами.

Становилось свежо и надо было звать детей. Но, видя их, беззаботно качающихся на нижней ветке дерева, передумал.

Подошёл Микелино:

– Папа, а давай будем здесь жить?

– Глупенький, здесь нет домов и никто не живёт! – вымолвил Марковальдо с досадой, потому что он как раз размышлял о том, как хорошо было бы жить тут.

Микелино:

– Никто? А эти господа? Посмотри!

Темнело, и снизу от луга подошла компания людей различного возраста, одетых в тёплые серые одежды, похожие на пижамы, в беретах и с палочками. Они шли группами, иногда громко говоря и смеясь, опираясь на свои трости или неся их, весящими на руке на изогнутой ручке.

– Кто они? Куда идут? – спросил отца Микелино, но Марковальдо смотрел на них задумчиво и молча.

Один полный мужчина лет сорока, проходя мимо них, поздоровался:

– Добрый вечер! – сказал он. – Что новенького в городе?

– Добрый вечер, – ответил Марковальдо, – о каких именно новостях вы говорите?

– Ни о каких, это просто, чтобы начать разговор, – сказал он, остановившись. У него было широкое белое лицо, с розоватыми тенями в верхней части щёк.

– Я всегда это спрашиваю у приехавших сюда из города. Понимаете, я уже три месяца здесь.

– И никогда не спускаетесь в город?

– Ну, только если разрешат врачи! – потом, ухмыльнувшись:

– И вот это здесь! – указав пальцем себе в грудь и хохотнув, немного задыхаясь.

– Уже два раза меня лекарь выписывал, но как только возвращаюсь на фабрику – бац! И меня опять возвращают сюда. Смешно, не правда ли?

– И они тоже?... – Марковальдо показал на других людей, что разбрелись вокруг, одновременно ища взглядом Филиппетто, Терезу и Пьетруччо, потерявших из виду.

– Все они – мои товарищи по санаторию, – он подмигнул, – это время для самостоятельной прогулки перед сном... Мы ложимся очень рано... Понимаете, мы не можем выходить за границу территории...

– Какую границу?

– Этот участок принадлежит санаторию. Вы разве не знаете? Марковальдо взял за руку немного оробевшего Микелино.

Вечер выходил из берегов. Там внизу город был окончательно поглощён тенью. Пора было возвращаться.

– Тереза! Филиппетто! – позвал Марковальдо и пошёл искать их.

– Извините, – сказал он мужчине, – мне надо найти остальных детей.

Человек посмотрел в сторону, прикрывая глаза рукой от садившегося солнца.

– Они там, – сказал он, – собирают черешню.

Марковальдо во впадине увидел черешневое дерево и вокруг него людей в серых одеждах, своими палками нагибающих ветви и срывающих ягоды. И Тереза, и остальные двое ребят были вместе с ними. Довольные и радостные, они срывали ягоды, брали их из рук взрослых и смеялись вместе с ними.

– Уже поздно, – сказал Марковальдо. – Холодает. Пора домой...

Полный мужчина показал концом трости в сторону гирлянд огней, зажигающихся внизу.

– По вечерам, – сказал он, – я со своей палочкой мысленно прогуливаюсь по городу. Выбираю улицу – одну из этих ниток уличных фонарей, и следую по ней, вот так... Останавливаюсь возле витрин, встречаю людей, приветствую их... Когда будете гулять по городу, вспоминайте иногда: быть может, моя палка и я следуем за вами...

Дети возвращались увенчанные веночками из листьев и держась за руки обитателей больницы.

– Как же здесь хорошо, папа! – сказала Тереза. – Мы вернёмся сюда ещё поиграть, правда?

– Папа! – выпалил Микелино, – а почему мы не можем жить здесь, вместе с ними?

– Уже поздно! Попрощайтесь с синьорами! Скажите спасибо за черешню. Ну, всё! Пошли!

Уставшие, тронулись в обратный путь. Марковальдо угрюмо молчал, не отвечая на вопросы. Филиппетто захотел на руки, Пьетруччо – на плечи. Терезу пришлось тащить за руку, а Микелино, как самый большой, шёл сам, подбивая ногами камни.

Лето 10 Путешествие

Шум города летними ночами проникает в открытые окна тех, кто не может спать в духоте помещений. Тот, настоящий шум ночного города, становящийся слышным, когда гул моторов окончательно стихает и в наступившей тишине становятся отчётливо различимы гулкие шаги запоздавшего прохожего, шелест велосипедных шин ночных патрульных, приглушённые далекие голоса, храп соседа сверху, стоны больного и ход старинных часов, педантично отбивающих каждый час. Это звуки, живущие до пробуждения нестройного оркестра будильников на рассвете в домах рабочих, до грохота первого утреннего трамвая.

В одну из ночей Марковальдо лежал с закрытыми глазами между вспотевшими женой и детьми, погружённый в эту тончайшую пелену едва уловимых звуков, отражённых от брусчатки тротуара и проникающих сквозь низкие окошки в глубину его подвала. Слышал стук женских припозднившихся каблучков, весёлых и быстрых, шаркающую подошву мусорщика с нерегулярными остановками, насвистывание беззаботного прохожего и бессвязное переплетение слов диалога между друзьями, говорящих, видимо, о спорте или деньгах. В жаркой, раскалённой ночи эти звуки теряли чёткость, делались как бы смягчёнными от духоты, заполняющей пустоту улиц, но в то же время они стремились утвердить собственное доминирование над этим безлюдным царством. В каждом из этих проявлений присутствия человека Марковальдо, увы, узнавал собрата, как и он пригвождённого даже во время отпуска к этой печи из цемента, раскалённой и пыльной, со всеми долгами, с семейным бременем и скудной зарплатой.

И как если бы нереальная идея летнего путешествия приоткрыла двери его мечты, вдруг почудился далёкий звон колокольчиков, лай собак и временами даже короткое мычание. Но, лёжа с открытыми глазами, он не грезил и пытался, напрягая слух, найти или дополнительную опору этим смутным ощущениям, или же их опровержение. И в самом деле, всё отчётливее доходили звуки будто сотен и сотен шагов, медленных, нестройных и неясных, которые всё приближались, подавляя любой другой звук, кроме, пожалуй, перезвона проржавленных колокольчиков.

Марковальдо встал, надел рубашку и брюки.

– Ты куда? – спросила жена, не открывая глаз.

– По улице гонят стадо. Пойду посмотрю.

– И я! И я! – обрадовались дети, знающие толк в том, чтобы просыпаться в нужный момент.

Шло стадо, из тех, что в начале лета прогоняют ночной порою через город на горные пастбища. Уселись на улице, с ещё слипшимися от сна глазами. Дети увидели реку пепельных и пёстрых спин, заполнившую улицу и тротуары, плывущую вдоль стен с афишами и опущенными жалюзи, мимо дорожных знаков «остановка запрещена» и бензозаправок. Переступая осторожно копытами с тротуаров на проезжую часть перекрёстков, безучастными мордами прижимаясь к бёдрам идущих впереди, коровы несли с собой запах сена, полевых цветов, молока и знакомый с далёкого детства перезвон колокольцев. Город, казалось, не интересовал их, погружённых в мир влажных лугов, туманов и переправ через горные потоки.

В противоположность им нетерпеливыми, даже раздражёнными нахождением на городских улицах, казались пастухи, хаотично снующие вдоль стада с хлыстами и покрикивающие запыхавшимися, хриплыми голосами.

Собаки, которым ничто человеческое не чуждо, отличались нахальством, двигались, задрав морды и заливаясь лаем, сосредоточенные на своей работе. Но и они были немного встревожены и даже растеряны, иначе бы отвлекались на обнюхивание углов зданий, фонарей и следов на асфальте, что бывает наипервейшим делом городской собаки.

– Папа, папа, – наперебой заголосили дети, – коровы это как трамваи? Они делают остановки? Где конечная у коров?

– Ничего общего с трамваями, – объяснил Марковальдо. – Они идут в горы.

– Кататься на лыжах? – спросил Пьетруччо.

– Они идут на пастбище есть траву.

– А их не оштрафуют за порчу лугов?

Кто не задавал вопросов, так это Микелино, который был старше остальных. Его понятия о коровах уже сформировались, и сейчас он только присматривался к деталям, изучая короткие рога, крупы и разномастные подгрудки, следуя вприпрыжку за стадом, как собака-пастух.

Когда стадо прошло, Марковальдо взял за руку детей, чтобы снова идти спать, но не увидел Микелино. Спустился в комнату и спросил жену:

– Микелино вернулся?

– Микелино? А разве он не с тобой?

«Побежал за стадом, и кто знает, где он теперь», – подумал он и выбежал на улицу. Стадо уже пересекло площадь и Марковальдо пришлось гадать, куда оно свернуло. Похоже, что в ту ночь различные стада прогоняли через город, каждое своим путём, в сторону своей долины. Марковальдо заметил одно стадо, но, догнав, понял, что оно другое, не то, что проходило мимо их дома. В створе поперечного переулка через четыре улицы от них он заметил другое стадо, идущее параллельно и побежал за ним. Там пастухи объяснили, что им встретилось ещё одно, в противоположном направлении. И пока последний звук колокольчиков не растаял в лучах утренней зари, Марковальдо продолжал свои безрезультатные поиски.

Комиссар полиции, к которому он обратился, заявив об исчезновении сына, рассудил так:

– Ушёл со стадом? Доберётся до гор, хорошенько отдохнёт. Счастливцев! Вот увидите, вернётся поправившимся и загорелым.

Версия комиссара подтвердилась через несколько дней от вернувшегося из отпуска сотрудника фирмы, где работал Марковальдо. На одном из горных перевалов он встретился с его сыном: тот был со стадом, просил передать привет отцу и был в полном порядке.

С тех пор Марковальдо, в этой пыльной городской жаре жил с мыслью, что его сыну повезло. Что сейчас, конечно же, он проводит свои часы под сенью раскидистых елей, беззаботно насвистывая с травинкой в губах, глядя как внизу коровы медленно передвигаются по лугу, или дремлет в тени долины под журчанье ручья.

Мать же не могла дожидаться его возвращения:

– Приедет на поезде? Или на автобусе? Уже целая неделя... уже месяц... Ожидается плохая погода... – никому не давала покоя, хотя при всём этом иметь за столом на одного едока меньше было несомненным облегчением.

– Счастливый! На свежем воздухе, отъедается маслом и сыром, – отвечал Марковальдо. Но каждый раз, когда в глубине улиц виднелись подёрнутые дымкой жары и смога зубцы беловатых и сероватых гор, он чувствовал себя словно провалившимся в колодец, в котором свет мерцал где-то далеко в вышине. Ему казалось, что он видит там блестящую листву клёнов и каштанов, слышит далёкий гул диких пчёл. И Микелино тоже там, наверху, беззаботный и счастливый, среди молока, мёда и зарослей ежевики.

Но, тем не менее, и он дожидался возвращения сына из вечера в вечер, хотя и не думая, как мать, о расписании поезда или автобусов. Он слушал ночь, шаги на улице, как если окошко в комнате было бы отверстием морской раковины, в котором он старался услышать далёкие звуки гор.

И вот в одну из ночей, внезапно пробудившись от долгожданного звука, он приподнялся на кровати. Это не было иллюзией, он явственно слышал приближающийся неповторимый стук раздвоенных копыт по брусчатке улицы, смешанный с перезвоном колокольников.

Они выскочили на улицу, вся его семья. Возвращалось стадо, медленно и грузно. В середине стада, на хребте одной из коров, с руками, сжимавшими ошейник, с головой, раскачивающейся в такт шагов, ехал дремавший Микелино.

Его взяли на руки, обняли и поцеловали. Он выглядел немного оторопевшим.

– Как ты? Тебе хорошо было там?

– Ну...да...

– Ты скучал по дому?

– Да...

– А в горах красиво?

Он стоял напротив них, глядя серьёзным, твёрдым взглядом сквозь нахмуренные брови.

– Я пахал, как мул, – сказал он, сплюнув прямо перед собой. Это было лицо мужчины.

– Каждый вечер нужно было переносить подойники для дояров от одной коровы к другой, от одной к другой, и ещё успевать переливать молоко в бидоны. И всё это очень быстро и весь день, допоздна. Ни свет, ни заря перекачивать бидоны к грузовикам, которые отвозят их в город... И считать, считать всегда: коров, бидоны и горе тебе, если ошибёшься...

– Но ты видел, как на лугах пасутся коровы?...

– Не до того было, не было времени. Всегда при деле. Молоко, подстилки для скота, навоз. И всё ради чего? Под предлогом, что я не имею трудового договора, сколько мне платили? Крохи. Но вы напрасно думаете, что я отдам их вам. Пойдёмте спать, я до смерти устал.

Подёрнул плечами и, шмыгнув носом, вошел в дом.

Стадо удалялось, втягиваясь в глубину улиц, под перезвон колокольчиков унося с собой обманчивые и манящие запахи сена и горных пастбищ.

Осень

11 Кролик

Когда наступает долгожданный день выписки из больницы, с самого утра с нетерпением ожидаешь этого момента. Ты уже встал на ноги, прогуливаешься между больничными койками, и учишься ходить, как до болезни. Да ещё и насвистывая, что придаёт дополнительные силы для исцеления находящихся здесь больных, и делаешь это не для того, чтобы завидовали, но для поднятия общего настроения от твоего ободряюще обнадеживающего тона. Смотришь в окно на солнце или туман, если есть туман, прислушиваешься к шумам города, и всё теперь по-другому, чем прежде, когда каждое утро видел свет и слышал звуки недостижимого для тебя мира, просыпаясь между прутьев больничной кровати. Сейчас там, снаружи, опять твой мир: выздоровление снова делает тебя естественным и обычным, и больничные запахи лишь обостряют это чувство.

Марковальдо тем утром чувствовал себя именно так – вылечившимся, ожидая выдачи на руки необходимой для выписки медкарты Мутуа* с соответствующим заключением. Врач взял в руки медкарты и, сказав:

– Подожди здесь, – вышел, оставив его одного в лаборатории.

Марковальдо посмотрел на белую крашенную мебель, которую так ненавидел, пробирки, заполненные зловещим, таинственным веществом и попытался воодушевиться мыслью, что он вот-вот вырвется из всего этого, но не смог до конца испытать ту радость, какая ожидалась. Может быть, этому мешали другие мысли: о возвращении на работу к прежней разгрузке коробок, или о том, что его детки натворили за это время, но больше всего туман, что был снаружи, который предполагал необходимость выхода в пустоту, в это убивающее влажное ничто. Так он вращал глазами вокруг с неосознанной необходимостью остановиться на чём-то приятном внутри этого кабинета, но всё, что он видел, ассоциировалось лишь со страданием и болью.

И тут он увидел кролика в клетке. Это был обычный белый кролик с длинной шерстью, пушистый, с треугольничком розового носа, красными испуганными глазами и почти голыми ушами, прижатыми к спине. Не то чтобы очень большой, просто в этой тесной клетке его овальное тело, свёрнутое калачиком, вдавливалось в металлические прутья, и снаружи выступали пучки шерсти, колеблющиеся от лёгкой дрожи его тельца. Снаружи клетки на столе лежали остатки травы и морковь. Марковальдо подумал о том, каким он должен быть несчастным, запертым в этой тесноте, видевшим рядом эту морковь и не имея возможности съесть её. И он открыл дверцу клетки. Но кролик не вышел: он оставался неподвижным, лишь едва шевеля мордочкой, как будто жевал, видимо для придания себе более важного вида. Марковальдо взял морковь, приблизил к кролику, затем медленно отдалил её, как бы приглашая выйти из клетки. Кролик последовал за морковкой, осторожно прихватил зубами и старательно принялся грызть её прямо из рук Марковальдо. Человек погладил его по спине, заодно пощупав, есть ли жирок. Он был немного костляв под своим пушистым мехом. От этого, и от того, как он жадно грыз морковь, было понятно, что его содержали впроголодь.

«Был бы он мой, – подумал Марковальдо, – я бы кормил его до тех пор, пока он не стал бы похожим на шарик». И посмотрел на него глазами заботливого кролиководы, которым всегда удаётся совмещать в едином порыве души проявление добра к животному с оценкой будущего из него жаркого.

*) Мутуа – служба по обеспечению медицинского обслуживания в Италии

Вот так, после многих дней, проведённых в больничном унынии, в самый момент выписки, обнаруживается присутствие друга, которого было бы вполне достаточно, чтобы наполнять его дни, проведённые тут, и его мысли. Но он должен был покинуть его, возвратясь в этот туманный город, где не встречаются кролики.

Морковь была доедена, Марковальдо взял зверька на руки и стал ходить по кабинету, в поисках съестного.

Приблизил мордочку к горшку с цветочком герани, что был на столе доктора, но зверёк отвернулся, показав, что такое не ест. Тут Марковальдо услышал шаги возвращающегося доктора. Как объяснить, почему он держит кролика в руках? В спешке засунул насытившегося кролика запазуху рабочей куртки, в которую был одет, и застегнул пуговицы. Чтобы врач не заметил его вздувшийся и вздрагивающий живот, переместил кролика за спину. Испуганный кролик пока сидел тихо. Марковальдо взял свою медкарту и переместил кролика снова на грудь, так как нужно было повернуться, чтобы выйти. Так, с кроликом, спрятанным под курткой, он покинул пределы больницы и отправился на работу.

– А, наконец-то ты выздоровел! – обрадовался вошедшему Марковальдо начальник отдела синьор Вилиджельмо.

– Что у тебя такое выросло там? – он указал на выступающую под курткой грудь.

– Да так, прогревающая примочка от судороги, – нашёлся Марковальдо.

В этот момент кролик вздрогнул и Марковальдо дёрнулся, как в эпилептическом припадке.

– Что с тобой? – насторожился Вилиджельмо.

– Так, ничего, просто икота, – ответил он, затолкав кролика за спину.

– Ты неважно выглядишь, – сказал начальник.

Кролик попытался вскарабкаться вверх по спине и Марковальдо передёрнул плечами, чтобы заставить его спуститься ниже.

– Э, да у тебя озноб. Иди-ка лучше домой ещё на один день. Но завтра смотри, чтобы был здоров.

Домой Марковальдо зашёл как удачливый охотник, держа кролика за уши.

– Папа! Папа! – закричали дети, подбежавшие его встречать.

– Где ты его взял? Ты нам его подаришь? Это для нас? – наперебой затараторили, пытаясь схватить его.

– Явился? – процедила жена и по взгляду, на него обращённому, Марковальдо понял, что время его пребывания в больнице никак не послужило на пользу семье, и что накопились новые причины для обид.

– Он что, живой? И что ты хочешь с ним сделать? Он нам тут всё изгадит.

Марковальдо освободил стол, разместив кролика посередине. Зверёк всем телом прижался к столу, пытаясь сделаться незаметным.

– Горе тому, кто его обидит! – воскликнул он, – это наш кролик, мы будем откармливать его к Рождеству.

– Это кролик или крольчиха? – спросил Микелино.

О том, что это может быть крольчиха, Марковальдо не подумал. Тотчас ему пришёл в голову новый план: если это была самка, он мог начать разводить кроликов. И вот уже в его фантазиях сырые стены подвала исчезли и виделась утопающая в зелени ферма среди живописных полей.

Кролик, увы, оказался самцом. Однако у Марковальдо идея разведения кроликов уже крепко засела в голове. Пускай он был самец, но самец очень красивый, для которого можно найти пару и создать условия для их размножения.

– И чем же мы его будем кормить, если нам самим нечего есть? – язвительно спросила жена.

– Что-нибудь придумаю, – ответил Марковальдо.

На следующий день от каждого из комнатных растений, сидящих в горшках в офисе Дирекции, которые Марковальдо должен был по утрам выносить на улицу для полива, он отщипнул по листику – широкие и блестящие с одной стороны, с другой они были матовые – и спрятал в карман куртки. Затем, у одной служащей, что пришла с букетиком цветов, спросил:

– Это подарок от вашего жениха? Позвольте мне один на память? – и засунул цветок в карман. Затем у приказчика, чистившего грушу, попросил не выбрасывать кожуру.

И так – здесь листок, кожура, там с земли лепесток – надеялся прокормить зверька.

Неожиданно синьор Вилиджельмо вызвал его к себе. «Неужели они заметили общипанные растения?» – подумал Марковальдо, привыкший всегда чувствовать себя виноватым.

В кабинете начальника находились тот самый врач из больницы, двое волонтеров «Красного Креста» и представитель муниципальной гвардии.

– Послушай, – сказал врач, – пропал кролик из моей лаборатории. Если ты знаешь что-то об этом, советую не хитрить. Ему сделана инъекция штамма опасной болезни, и он может разнести её по всему городу. Я не спрашиваю, съел ли ты его, так как в этом случае тебя уже не было бы в живых.

Снаружи их ожидала скорая. Сели в машину и под залиvistый вой сирены понеслись по улицам и бульварам к дому Марковальдо, оставляя за собой дорожку из листьев, кожуры и цветов, которые загрустивший Марковальдо потихоньку выбрасывал из окна автомобиля.

...В то утро его жена определённо не знала, что положить в кастрюлю. Посмотрела на кролика, что муж принес днём раньше, сидящего в импровизированной клетке, наполненной обрывками бумаги. «Явился, – сказала себе. – Денег нет. Зарплата за месяц ушла на лекарства. В магазинах больше не дают в долг. И ещё что удумал – кроликов разводить! Или ждать до Рождества, чтобы зажарить! Сами голодаем, так ещё кролика должны откармливать!».

– Вот что, Изолина, – заявила она дочери, – ты уже большая и должна научиться готовить кроликов. Прибей и сдери с него шкуру, а я объясню, что делать дальше.

Изолина в это время углубилась в журнал с сентиментальными рассказами.

– Нет уж, – проворчала она, – сама сначала прибей и сдери, а потом я научусь его готовить.

– Хороша, нечего сказать! – воскликнула мать, – у меня просто духа не хватит его убить. Ну же, это легче лёгкого: просто взять за уши и сильно ударить по загривку. А там уже будет видно, как содрать с него кожу.

– Ничего не будет видно, – ответила дочь, не поднимая глаз от журнала, – я бить по загривку живого кролика не собираюсь. А уж сдирать с него кожу и подавно.

Трое остальных детей с вытаращенными глазами, замерев, слушали их разговор.

Мать призадумалась, окинула детей взглядом и промолвила:

– Ребята...

Дети, не сговариваясь, повернулись и стремглав бросились прочь из комнаты.

– Подождите, дети! – окликнула их мать, – я просто хотела предложить вам выйти на улицу с кроликом. Повяжем ему красивую ленту на шею, и вы немного пройдётесь с ним.

Дети замерли на пороге и посмотрели ей в глаза.

– Куда пройтись? – уточнил Микелино.

– Ну, пару-тройку шагов. Найдёте синьору Диомиру, отдадите кролика ей и вежливо попросите забить и освежевать его. Она смелая, сумеет это сделать.

Мать затронула нужную струнку: дети, как известно, сосредотачиваются на том, что им больше всего нравится, а про остальное предпочитают не думать.

Они нашли длинную лиловую ленту, один конец привязали к шее зверька, а второй использовали в качестве поводка и, дёргая за него, потащили упирающегося и наполовину задушенного кролика на улицу.

– Скажите синьоре Диомире, – наставляла мать, – что она может взять себе одну ножку! Нет, лучше пусть возьмёт голову. В общем, как сама захочет.

Едва дети вышли, жилище Марковальдо было окружено и захвачено санитарями, врачами, муниципальной гвардией и полицейскими. Марковальдо был среди них, ни жив, ни мёртв.

– Здесь находится кролик из больницы? Скорее, укажите где, только не прикасайтесь к нему: он заражён смертельной болезнью!

– Марковальдо подвёл их к клетке, но она была пуста.

– Как? Уже съели?

– Нет, нет!

– И где же он?

– У синьоры Диомиры! – и преследователи продолжили охоту.

Постучали к синьоре Диомире.

– Кролик? Какой ещё кролик? Вы с ума сошли? – но в дом уже вторглись неизвестные, в белых халатах, в форме и искали какого-то кролика. У бедной старушки чуть не случился удар. О кролике Марковальдо она ничего не слышала.

Просто трое детей, желая спасти кролика от смерти, решили спрятать его в безопасном месте, поиграть с ним немного и затем отпустить. Вместо того чтобы остановиться на лестничной площадке возле квартиры синьоры Диомиры, они поднялись на

террасу, что была на крыше. А матери потом бы сказали, что он вырвался из поводка и убежал. Хотя ни одно животное не казалось столь непригодным для побега, как этот кролик. Заставить его подняться по всем этим лестницам было проблемой: от страха он сворачивался клубком на каждой ступеньке. В конце концов его взяли на руки и понесли.

На террасе они захотели, чтобы он побегал, но кролик оставался неподвижен. Попытались поставить его на карниз, чтобы понять, умеет ли он ходить по нему как кошки, но оказалось, что он боится высоты. Попробовали водрузить на телевизионную антенну, чтобы увидеть, умеет ли держать равновесие, но он падал. Заскучавшие ребята сорвали с него поводок, оставив одного среди этого моря покатых и угловатых крыш, и ушли.

Оставшись в одиночестве, кролик ожил и стал двигаться. Сделал несколько осторожных шагов, огляделся по сторонам, сменил направление и небольшими прыжками поскакал по крыше. Это был зверёк, рождённый в клетке, и его понятие о свободе не имело широких горизонтов. Он не ведал иной жизни, кроме той, где за счастье было хоть немного побыть вне страха. И вот теперь он мог свободно передвигаться, без прежнего чувства тревоги, возможно, как никогда прежде в жизни. Место было необычным, однако чёткого представления что обычно, а что не обычно не могло сформироваться в его мозге. С того самого момента, когда он почувствовал внутри себя разъедающее его нутро зло, неясное и таинственное, внешний мир интересовал его всё меньше и меньше. Так он брёл по крышам. Коты, которые ему попадались, в страхе шарахались в стороны не понимая, что это за зверь.

Между тем, для слуховых окошек, окон чердачных помещений и открытых террас маршрут кролика не остался незамеченным. Кто-то уже выставил большую миску салата на подоконник, наблюдая из-за шторы, кто-то бросил огрызок груши на черепицу крыши, растянув вокруг него верёвочную петлю, кто разложил ряд кусочков моркови на карнизе, прямиком ведущий к его камерке. Во всех семьях, обитающих на крышах, ключевым было слово «кролик»:

– Сегодня у нас будет кролик под соусом, – или:

– Кролик фрикасе, – или:

– Жареный кролик.

Зверёк был начеку среди этой возни и вкрадчивых подношений пищи. И хотя был голоден, остерегался их.

Он знал, что каждый раз, когда люди хотели выманить его из клетки, предлагали еду. Затем случалось нечто непонятное и болезненное: или вгоняли шприц в тельце, или резали скальпелем, или силком засовывали под застёгнутую куртку, или таскали за ленту на шее... И память об этих несчастиях сосуществовала с той болью, что он чувствовал внутри себя, с медленно разрушающимися органами, с явственным предчувствием близкой смерти. И с голодом. И хотя среди всех этих напастей он понимал, что только голод мог быть ему спасением и осознавал, что эти коварные человеческие существа ничего не могли дать ему, кроме жестоких страданий, мучений и боли, ему, имевшему нужду в их защите и домашнем тепле, решил сдаться, оказать услугу в этой игре людей и поступил так, как они хотели. Он начал есть кусочки моркови, следуя за ними, хорошо понимая, что этот путь делает его узником и жертвой, но всё же решаясь попробовать, возможно в последний раз, хороший вкус земных овощей.

Так он приблизился к окну мансарды, и рука уже потянулась схватить его... Но внезапно окошко захлопнулось, оставив его снаружи.

Это было странным событием в его жизненном опыте: западня, которая не захотела сработать. Кролик обернулся, поискал другие признаки обмана вокруг, чтобы выбрать, какой

из них более всего подходит ему, чтобы сдаться. Но листья салата были убраны, силки пропали, люди, что виднелись в окнах, исчезли, окна и окошки наглухо закрылись, а террасы обезлюдели.

Случилось вот что. Полицейский джип проследовал по улице, вещая из громкоговорителя:

– Внимание, внимание! Пропал белый кролик, длинношёрстный, страдающий тяжёлой заразной болезнью! Любой контакт с животным может привести к инфицированию опасным вирусом! Каждый, кто знает о его нахождении, обязан сообщить в ближайшее отделение полиции, больницу или пожарное депо!

Ужас воцарился на крышах. Все были на страже и едва завидев кролика, вялыми скачками передвигающегося по крыше, подавали сигналы тревоги и прятались, как при приближении полчищ саранчи. Кролик неуверенно продвигался вдоль края крыши. Чувство одиночества, в тот самый момент, когда он наиболее ощущал потребность в человеке, ему казалось ещё более угрожающим и нестерпимым.

Тем временем кавалер Ульрико, старый охотник, заряжал своё ружье картечью на зайца, заняв позицию на террасе, позади дымохода. И когда он увидел в тумане проявляющийся белый силуэт кролика, выстрелил. Но чересчур велико было его возбуждение при мысли о смертельно опасном звере и облако дрови ушло немного в сторону, по черепицам крыши. Кролик слышал, как дробь отскакивала от крыши и один шарик, срикошетирав, насквозь пробил ему ухо. Он понял, что ему объявлена война и любые отношения с людьми сделались более невозможными. С пренебрежением к тем, в ком чувствовал глухую неблагодарность, он решил покончить с жизнью.

Крыша, покрытая кровельным железом, спускаясь под наклоном, проваливалась в пустоту, в бесконечное ничто густого тумана. Кролик начал съезжать на всех четырёх лапах сперва осторожно, затем всё более решительно. И так он скользил, побеждая окружающее его зло и уходя навстречу смерти. На краю карниза он задержался на секунду в водосточном жёлобе и затем, потеряв равновесие, соскользнул вниз...

Через мгновение он оказался в перчатках одного из пожарных, поднимавшегося на крышу по раздвижной лестнице. Лишённого возможности уйти из жизни с чувством собственного достоинства, кролика положили в машину скорой помощи, которая помчалась на огромной скорости в больницу. В ней находились также Марковальдо со своей женой и детьми, госпитализированные для наблюдения и вакцинации.

Зима 12 Туман

Для того, кому тоскливо находиться в своём доме, любимым убежищем в холодные зимние вечера является кинотеатр. Страстью Марковальдо были цветные фильмы на огромном экране, вмещающем в себя необъятные горизонты: долины, скалистые горы, тропические леса и экзотические острова, на которых живут счастливые и беззаботные люди, увенчанные венками из цветов. Он смотрел фильмы по два раза, часто вплоть до закрытия кинотеатра и по окончании фильмов ещё долго мысленно переживал виденные экзотические пейзажи, дыша их яркими красками. Но возвращение домой, дождливый вечер, ожидание на остановке трамвая № 30, осознание того, что его жизнь не знает иного сценария, где нет трамваев, светофоров, полуподвального жилища, газовой плиты, развешенного белья и склада с отделом упаковки, постепенно растворяют красочное великолепие фильма в тусклой, серой обыденности.

В тот вечер действие фильма происходило в лесах Индии: от болотистого подлеска поднимались облака испарений и змеи ползли по лианам, обвивающим статуи поглощённых джунглями древних храмов.

Выйдя из кинотеатра огляделся вокруг, закрыл глаза и снова открыл, но не увидел ничего. Вообще ничего. Даже под самым своим носом. Пока он был в кинотеатре, плотный молочно-восковой туман накрыл город. Он окутывал предметы и звуки, сжимал пространство, нивелируя расстояния и пропорции, растворял свет в матовой пустоте, превращая его в бесформенные световые пятна, идущие ниоткуда.

Марковальдо направился наощупь на остановку 30-го трамвая и уткнулся носом в стойку дорожного знака. В этот миг он понял что, наконец, счастлив: туман, скрывая от него реальный мир, позволял сохранять перед своими глазами яркие картины виденного на широкоформатном экране. Даже холод ощущался мягче обычного, будто город согрелся под одеялом накрывшего его облака. Укутавшись в своё пальто, Марковальдо чувствовал себя защищённым от всякого внешнего воздействия и, абсолютно свободный в этой пустоте, мог раскрывать её картинами Индии, Ганга, джунглей и Калькутты.

Пришел трамвай, неясный как призрак, непрерывно трезвоня. Предметы существовали как бы сами в себе. Вот и для Марковальдо этот вечер сузился до пребывания в чреве трамвая. Он ехал, повернувшись спиной к другим пассажирам и сосредоточившись на пустоте ночи за окном, пересекаемой то неясными светлыми пятнами, то какими-то тенями, более тёмными, чем чернота за окном. В общем, это была идеальная возможность мечтать с открытыми глазами, проецируя перед собой продолжение фильма на бесконечном экране окна.

Так, фантазируя, он потерял счёт остановкам. Огляделся по сторонам – трамвай был уже почти пуст. Вгляделся в стекло, пытаюсь определить местоположение по проплывающим мимо слабым проблескам, и решил, что как раз подъехал к своей остановке. Подбежал к выходу как раз вовремя и сошёл в темноту. Огляделся вокруг в поисках хотя бы какого-то знакомого ориентира. Но то малое количество теней и света, что его глаза могли разглядеть, не складывалось ни в один знакомый ему образ. Он ошибся остановкой и не мог понять, где находится.

Можно было бы спросить у прохожего, но не встречалось никого, кто мог указать дорогу. Место ничем не примечательное, да и час поздний. Наконец, он увидел тень – то ли пересекавшую проезжую часть, то ли двигающуюся посередине улицы. Её обладателем мог быть и пешеход, и велосипедист на велосипеде без огней.

Марковальдо крикнул:

– Будьте добры! Подскажите, пожалуйста, монсеньор! Где улица Панкратио Панкратиетти?

Силуэт удалялся и уже почти не был виден. Из тумана донеслось:

– Та-а-а-ам... – но не было видно, в какую сторону тот показывал.

– Направо или налево? – переспросил Марковальдо, не будучи уверенным, что не обращается уже в пустоту.

Ответ пришёл, вернее, его отголосок: «... ево!», что, впрочем, также могло означать «...аво!». В любом случае, если один не видел, куда двигался другой, направо или налево, то это значило ровно столько же, как если бы вообще ничего не было сказано.

Марковальдо двинулся в сторону слабого источника света, идущего, казалось, с противоположного тротуара, чуть впереди от него. Однако, расстояние до объекта было гораздо больше, чем казалось вначале: нужно было пересечь что-то вроде площади с островком травы посередине и единственным понятным предметом – знаком направления движения автомобилей. Час был поздний, но наверняка ещё работали какие-то кафе или бары. Светящаяся вывеска, которая постепенно проявлялась сквозь туман, гласила: "Бар..." Но, увы, тут же погасла. На то, что должно было быть освещённым стеклом, опустилась стена темноты в виде железной ставни. Бар закрывался и был ещё, как ему стало понятно, весьма далеко.

Пришлось выбирать другой источник света. Марковальдо с надеждой двинулся к видневшемуся вдали новому светлому пятну. Мельчайшая водяная пыль, тёмная и одновременно как бы молочная, внутри которой он двигался, проникала под пальто между нитями ткани, как через решето, пропитывая его, как губку.

Свет, которого он, наконец, достиг, был стеклянной полупрозрачной дверью остерии*. Внутри виднелись люди, сидящие и стоящие возле стойки. Освещение было плохое, возможно туман проникал повсюду, и даже там фигуры казались нечёткими, в точности, как в тех тавернах из кино про старые времена и далёкие страны.

– Я ищу... если, быть может, вы знаете... Улица Панкратиетти... – начал он говорить, но в таверне было шумно, много пьяных, которые громко смеялись, и вопросы, которые он смог задать, и объяснения, которые удалось получить, были такими же туманными и расплывчатыми, как всё снаружи. Тем более, для того, чтобы согреться, он заказал или, точнее, позволил навязать ему теми, кто стоял у стойки сначала четверть вина, а потом ещё пол-литра, и затем ещё несколько бокалов, что с дружеским похлопыванием по плечу ему предложили другие. В общем, когда он вышел из остерии, его идеи на счёт дороги домой не стали более чёткими, чем прежде, но зато, видимо, в качестве компенсации, туман пуще прежнего мог вмещать в себя новые континенты и краски.

С теплом, разлившимся по телу от выпитого вина, Марковальдо прошёл хорошую четверть часа шагами, блуждающими влево и вправо исключительно для понимания ширины тротуара (если он вообще ещё следовал по нему), при этом руки чувствовали потребность постоянно ощущивать стену (если он вообще шёл вдоль стены). От ходьбы туман в голове постепенно рассеялся, но тот, что был снаружи, оставался всё таким же плотным.

Он вспомнил, что в остерии посоветовали взять определённое направление и пройти по нему сто метров, а потом спросить ещё раз. Но сейчас он уже не знал, насколько удалился от таверны, если вообще просто не обошёл вокруг квартала.

*) *остерия – небольшой ресторан, таверна*

Места казались необитаемыми, виднелись лишь стены из кирпича, похожие на фабричный забор. В одном месте, на углу определённо виднелась табличка с названием улицы, но свет фонаря, подвешенного над серединой проезжей части, не доходил до неё. Марковальдо, чтобы подобраться поближе к надписи, взобрался на столб знака «остановка запрещена». Долез до таблички, едва не уткнувшись в неё носом, но надпись была выцветшая и не было спичек, чтобы осветить её получше. Над табличкой стена завершалась ровным и широким краем и, дотянувшись до неё от знака «стоянка запрещена», Марковальдо удалось вскарабкаться наверх. Он смутно различил установленный выше края стены большой белеющий указатель. Сделал в направлении к нему несколько шагов вдоль края стены. Фонарь высветил чёрные буквы на белом фоне, но надпись «Посторонним проход строго запрещен» никак не прояснила ситуацию.

Стена была достаточно широкая, чтобы можно было свободно по ней ходить, сохраняя равновесие. Это было даже лучше тротуара, потому что уличные фонари находились на нужной высоте, освещая путь по стене светлой полосой посреди темноты. В какой-то момент стена закончилась, и Марковальдо остановился напротив капители колонны. Оказалось, что стена делала тут поворот под прямым углом и продолжалась дальше...

Так, лавируя меж углов, ниш и колонн, Марковальдо следовал по затейливой траектории. Несколько раз он думал, что стена закончилась, но затем обнаруживал, что она продолжалась, лишь изменив направление. Пройдя многие повороты и изгибы он более не понимал, в каком направлении двигался, то есть с какой стороны придётся спрыгивать, чтобы опять оказаться на дороге.

Спрыгнуть... А если высота забора возросла? Он сел на корточки на вершине одной из опор, пытаясь определить высоту с той и с другой стороны, но ни один луч света не достигал земли: речь могла идти о спрыгивании с высоты двух метров, вслепую, или вообще в пропасть. Ничего не оставалось, как продолжить движение далее поверху.

Но путь к спасению не замедлил проявиться. Это была ровная, белеющая поверхность, примыкающая к стене: возможно, крыша здания, цементная – как показалось Марковальдо, сделавшему первые шаги по ней – которая уходила в темноту. Передумал было идти в этом направлении, но слишком поздно: он потерял всякий ориентир, отделившись от вереницы фонарей, и каждый шаг, что делал, мог привести на край крыши или даже за край, в пустоту.

Пустота поистине выглядела пропастью. Снизу угадывались крошечные огоньки, как если бы они находились далеко внизу, но если там действительно были фонари, то земля должна была быть ещё ниже. Марковальдо оказался подвешенным в пространстве, которое было сложно представить себе: иногда высоко над ним появлялись зелёные и красные огоньки, располагавшиеся бессистемно, наподобие созвездий. Задрав нос он с любопытством принялся изучать их и не заметил, как сделал неосторожный шаг в пустоту, вызвавший неизбежное падение.

«Я погиб!» – успел лишь подумать он, но в следующий миг оказался сидящим на мягкой земле. Его руки касались травы – он упал на лужайку целым и невредимым. Низкие огни, казавшиеся сверху далёкими, оказались множеством ламп, расположенных в ряд на уровне земли.

Место было необычно подобным расположением огней, однако удобно, потому что они указывали путь. Ноги не топтали больше траву, но шли по асфальту: через луг или поле проходила широкая асфальтированная дорога, освещённая всё теми же огоньками на ровной земле. Наверху и по сторонам не было ничего кроме разноцветного свечения в высоте неба, которое то появлялось, то исчезало.

«Асфальтированная дорога обязательно должна привести куда-нибудь», – подумал Марковальдо и пошёл по ней. Дошёл до развилки, точнее, перекрёстка, каждое ответвление дорог которого по краям также было обозначено этими маленькими низко расположенными лампочками и огромными белыми цифрами, нарисованными на асфальте.

Растерялся. Какая разница куда идти, если вокруг нет ничего кроме этого плоского, покрытого травой пространства, тумана и пустоты? Но в этот самый момент он увидел на высоте человеческого роста движение света. Человек, действительно человек с распростёртыми руками, одетый, как показалось, во всё жёлтое, подавал сигналы двумя светящимися лопатками наподобие тех, что используют дежурные на железнодорожных станциях.

Марковальдо побежал в его сторону, умоляя о помощи:

– Эй, послушайте, я заблудился в этом тумане, скажите, как добраться...

– Не беспокойтесь, – ответил спокойный и вежливый голос человека в жёлтом, – на высоте тысячи метров нет тумана, идите спокойно к лестнице, она там, чуть дальше, остальные уже поднялись.

Его речь была непонятной, но обнадеживающей. Для Марковальдо особенно приятно было услышать, что где-то недалеко, совсем рядом были ещё люди, и он двинулся в указанном направлении без лишних вопросов.

Обещанная таинственная лестница, белеющая в темноте чуть впереди, оказалась не очень большой, с удобными ступеньками, расположенными между металлическими перилами. Марковальдо поднялся по ней. В конце лестницы на пороге какой-то дверцы симпатичная девушка любезно поприветствовала его, что являлось непривычным по отношению именно к нему.

Марковальдо в ответ рассыпался в любезностях:

– Моё почтение, синьорина! Всего наилучшего! – Ему, пронизанному холодом и пропитанному сыростью, казалось невероятной удачей найти вдруг приют под крышей...

Вошёл, остановился на миг, ослеплённый светом. Это не было домом. Но куда он попал? Наверное, в автобус, длинный автобус с множеством свободных мест. Сел. Обычно, добираясь домой, он пользовался трамваем, потому что билет стоил чуть дешевле. Но он заблудился в районе таком далёком, что там, видимо, ходили только автобусы. Какое счастье, что он пришёл вовремя, ведь наверняка это был последний рейс!

Какие мягкие и уютные кресла! Марковальдо решил, что теперь будет всегда ездить на автобусе, даже несмотря на то, что его пассажиры должны следовать определённым правилам: («...Пожалуйста, – раздался голос из динамиков, – не курите и пристегните ремни...»), и что шум мотора при отпавлении был чересчур громким.

Некто в униформе шёл по проходу между сидений.

– Извините, синьор кондуктор, – обратился к нему Марковальдо, – не подскажете, будет ли остановка в районе улицы Панкратио Панкратиетти?

– Где вы говорите, синьор? Первая остановка будет в Бомбее, затем в Калькутте и Сингапуре.

Марковальдо внимательно огляделся вокруг. На других местах сидели невозмутимые бородатые индийцы в тюрбанах. Было также несколько женщин, завернутых в расшитые сари с круглыми лаковыми точками на лбу. Ночь за окошками проявилась мириадами звёзд,

так как самолёт уже пробился сквозь густую пелену тумана, всё выше и выше поднимаясь в свободное от облаков прозрачное ночное небо...

*Весна***13 Где вода голубее**

Настало время, когда даже самые простые продукты питания стали таить в себе опасность подделки и мошенничества. Не было дня, чтобы в какой-нибудь газете не говорили о вопиющих случаях фальсификации на рынке продовольствия: то сыр оказывался сделанным из пластмассы, то сливочное масло содержало стеарин, то во фруктах и овощах содержание мышьяка, попавшего в них с инсектицидами, в процентном отношении превосходило количество витаминов. Кур откармливали, пичкая какими-то синтетическими таблетками для увеличения веса, которые могли бы превратить в курицу всех, кто съедал лишь одну её ножку. Свежая рыба оказывалась пойманной в прошлом году в Исландии и ей гримировали глаза так, что, казалось, она плавала ещё вчера. Из молочных бутылок выскакивали мыши, кто знает, живые или мёртвые. Натуральное оливковое масло подменяли жиром старых мулов, дистиллированным особым образом.

Марковальдо на работе и в кафе слушал страшные рассказы об этих вещах, каждый раз чувствуя либо удар копытом мула в желудке, либо бегающую по пищеводу мышшь. Когда его жена Домитилла возвращалась домой с продуктами, её сумка, раньше приносящая ему столько радости видом сельдерея, баклажан и шуршанием бумажных пакетов из бакалеи и гастронома, теперь внушала страх, как проникший в стены дома враг.

«Все мои усилия отныне будут направлены на обеспечение семьи натуральными продуктами, не прошедшими через алчные руки спекулянтов и жуликов», – дал себе слово Марковальдо. Утром, идя на работу, он встретил людей с удочками и в резиновых сапогах, направляющихся к набережной. «Это то, что надо!», – подумал Марковальдо. Но река в городской черте, вбирающая в себя мусор, сточные воды и канализацию, внушала глубокое отвращение. «Я найду место, – сказал он себе, – где вода – действительно вода, а рыба – действительно рыба. Только там я закину удочку».

Световой день заметно увеличился, и после работы Марковальдо на своём мопеде выбирался за город для исследования реки вверх по её течению, а заодно речек и речушек, её притоков. Его интересовали прежде всего те участки, в которых вода текла вдалеке от асфальтированных дорог. Заезжал по тропинкам сквозь заросли ив на своем мопеде как можно дальше, пока можно было проехать, затем, оставив его в кустах, пешком пробирался до самой воды. Один раз он потерялся и блуждал по заросшему кустарником крутому берегу, не находя никакой тропки, и уже не знал, в какой стороне река. Вдруг, раздвинув ветки, увидел рядом с собой тихую заводь – участок реки с небольшим водоёмом с голубой водой, похожий на маленькое горное озерцо.

В волнении взглянул вниз в лёгкую рябь течения. Его упорство было вознаграждено: характерное дрожание и слабое колебание поверхности воды произошло явно от плавника. А потом ещё и ещё! От счастья он не верил своим глазам: тут было место скопления рыбы чуть ли не со всей реки, рай рыбака, возможно, больше никому не известное кроме него. Возвращался когда уже стемнело, оставляя за собой метки – надрезал кору вязов и складывал камни в определённых местах для того, чтобы найти дорогу в следующий раз.

Полдела было сделано. Осталось достать снаряжение и снасти.

Среди соседей по дому и сотрудников на работе был заранее вычислен добрый десяток любителей рыбалки. Недоговаривая и лишь слегка намекая, обещая после проверки каждому рассказать о разведанном месте, полном линей и известном только ему одному, удалось одолжить что-то у одного, что-то у другого и собрать в итоге такой приличный арсенал рыболовных снастей, каким вряд ли кто ранее мог похвастать.

Итак, всё было в наличии: удилище с леской, крючки, наживка, сачок, высокие охотничьи сапоги, сумка для рыбы, прекрасное утро, два часа свободного времени – от шести до восьми – перед началом работы, река с линиями... Мог ли он остаться без улова?

И в самом деле: едва он забрасывал удочку как тотчас вытаскивал из воды рыбу. Линь заглатывал наживку охотно и без малейшего подозрения. Видя, что на удочку ловилось настолько легко, попробовал сеть: линии чуть ли не сами запрыгивали в неё.

Когда подошло время уходить его сумка была полна рыбы. Отыскал нужную тропинку, поднимающуюся от реки.

– Эй, вы! – на береговом изгибе среди тополей стоял некий тип в фуражке охраны с недобрым и пристальным взглядом.

– Я? А что такое? – пролепетал Марковальдо, смутно чувствуя надвигающуюся угрозу его линиям.

– Где вы взяли эту рыбу? – спросил охранник.

– А почему вы спрашиваете? – у Марковальдо душа ушла в пятки.

– Если поймали их там, внизу, то выбросьте немедленно! Вы разве не видели завод выше по течению? – и указал на длинное и низкое здание, которое теперь стало видным за пройденной излучиной за ивами, выбрасывающее в воздух столб дыма, а в воду – промышленные стоки неестественных оттенков от бирюзового до фиолетового.

– Посмотрите, какого цвета вода! Это завод по производству лаков и красок. Река отравлена, потому и синяя, и рыба тоже отравлена. Выбросьте немедленно, иначе я буду вынужден её конфисковать!

Марковальдо хотелось выбросить пойманную рыбу куда подальше и как можно скорее, снять сумку со спины, как будто даже одного запаха этой рыбы было достаточно, чтобы его отравить. Но перед охранником не хотелось показать и виду.

– А если я поймал их выше по течению?

– Тогда совсем другое дело. В этом случае я бы её конфисковал и ещё выписал штраф. Выше завода заповедник и рыбная ловля там запрещена. Видели знак?

– Вообще-то я, – поспешил сказать Марковальдо, – несу удочку просто так, для вида, как будто это я наловил, а рыбу купил у одного торговца в соседней деревне.

– Ну, тогда другое дело. Вам остаётся только оплатить пошлину, чтобы можно было ввезти её в город, так как здесь мы находимся за городской чертой.

Но Марковальдо уже открыл сумку и, перевернув её, вытряхивал рыбу в реку. Некоторые из линий были ещё живы и, очень довольные, извиваясь, весьма охотно выскальзывали обратно в голубую воду.

Лето 14 Луна и GNAC

Ночь длилась двадцать секунд, двадцать секунд длился GNAC. В течение первых двадцати было видно тёмно-синее небо с разбросанными по нему тёмными облаками, серп растущей золотистой луны, подчёркивающий таинственность ночи, и далее – звёзды, созвездия и грандиозное облако пыли Млечного Пути. Рассматривать всё это приходилось быстро, дабы успеть ухватить каждую мелочь, ощутив в ускользающих деталях что-то цельное, так как всего через двадцать секунд они исчезали, и начинался GNAC.

GNAC был частью слова световой рекламы «SPAАК – COGNAC*» на крыше напротив, включающейся на двадцать секунд и затем гаснущей на такое же время. Свет от неё был настолько ярок, что когда она включалась, не было видно ничего другого. Луна тотчас бледнела, небо становилось однообразно чёрным и плоским, а звёзды теряли свой блеск. Коты и кошки, что с десятков секунд до этого вкрадчиво издавали любовное мяуканье, двигаясь томно навстречу друг к другу вдоль водосточных желобов и по изгибам крыш, с появлением GNAC фосфоресцировали в неоновом свете вздыбленной шерстью на выгнутой дугой спинах.

В мансарде, где обитала семья Марковальдо, в эту ночь бурлили самые разные мыслительные процессы.

Изолина, ставшая уже большой девочкой, чувствовала смутное воздействие лунного света, сердечко её тосковало, и невнятное, приглушённое бормотание радио с нижних этажей доносилось как гитарные переборы серенады. Наступал GNAC и радио попадало в другой, новый ритм, ритм джаза и Изолине представлялась танцплощадка среди моря огней, в то время как она, бедняжка, была совсем одна здесь наверху. Пьетруччо и Микелино таращили глаза в ночь, позволяя тёплому и мягкому страху перенести себя в дикий лес, полный разбойников, и затем, GNAC! – вскакивали с поднятыми большими пальцами и вытянутыми указательными друг против друга:

– Руки вверх! Я – Нембо Кид*! – Домитилла, их мать, с каждой вспышкой рекламы в ночи, думала: «Пора ребят укладывать, эти игры не пойдут на пользу. И Изолина в такой час сидит у окна, не спит. Не дело!» Но затем была новая вспышка электрического света и снаружи, и внутри, и всякий раз Домитилле чудилось, что она не в своей мансарде, а с визитом в уважаемом доме.

В доме напротив жил Фьордалиджи, юноша меланхолический и склонный к романтике. Всякий раз, когда GNAC гас, он видел внутри улитки буквы «G», в едва освещённом окошке чердака, за стеклом, лицо девочки цвета луны, цвета неона, цвета ночного свечения, с ещё почти детскими устами, которые как только он улыбался, начинали едва заметно приоткрываться в ответной улыбке. И когда уже, казалось, улыбка появлялась на её лице, вдруг из темноты возникал безжалостный «G», и лицо её теряло очертания, превращаясь в тусклый светлый оттенок, так, что он не мог увидеть, ответили ли юные губы на его улыбку.

В разгар этой бури страстей Марковальдо пытался объяснить детям положение небесных тел.

*) *cognac* – коньяк, «SPAАК – COGNAC» – название коньячной фирмы

**) «Маленькая Туча» – итальянское название супермена

– Это – Большая Колесница*. Вот одно колесо, вот второе, третье, четвёртое и там дальше руль, а там – Малая Колесница** и Полярная Звезда, что всегда показывает на север.

– А вон та, на что показывает?

– Та означает «С», но не имеет ничего общего со звёздами. Это последняя буква в слове COGNAC. Звёзды же, напротив, указывают на важнейшие точки: Север, Юг, Восток и Запад. Серп Луны сейчас обращён на запад. Серп луна на запад гнёт – значит, что луна растёт. Если серп гнёт на восток – тает у луны росток.

– Папа, выходит COGNAC убывает? Там в «С» серп гнётся на восток!

– Нет, не выходит. Он не может быть ни растущим, ни убывающим: это всего лишь надпись установленная фирмой «Спаак».

– А луну какая фирма установила?

– Никакая фирма луну не устанавливала. Это спутник Земли и она есть всегда.

– Если всегда, то почему она меняется?

– Это оттого, что видна только её часть.

– И от COGNAC тоже видна только часть.

– Это оттого, что крыша дворца Пьербернарди, расположенная перед нами, находится выше.

– Выше луны?

И так с каждым включением GNAC: звёзды Марковальдо переплетались с делами земными, Изолина сменяла вздохи на пыхтение напевающего мамбы и исчезала в слуховом окне внутри завитка «G», ослепительного и холодного, скрывая и свой ответ на поцелуй, который Фьордалиджи, наконец, набравшись храбрости, отправил ей, сдунув с кончиков пальцев, а Филиппетто и Микелино со сжатыми кулаками перед лицами играли в воздушный бой:

– Тра-та-та-та... – стреляя по светящейся надписи, что гасла спустя двадцать секунд.

– Тра-та-та... Ты видел, папа, как я её подбил с одной очереди? – похвастался Филиппетто, но в отсутствии неоновых светов фанатизм воина убывал, и глаза наполнялись сном.

– Да хоть бы она рассыпалась на куски! – вырвалось у отца, – я хотел вам ещё показать Льва и Близнецов...

– Льва! – Микелино принял упоминание царя зверей с энтузиазмом. – Подожди! – Ему пришла в голову мысль: взял рогатку, достал мелкие камешки, коих всегда был запас в его кармане, и со всей силы дал очередь по GNAC.

Послышался град пулек по черепичной крыше напротив, по листам карниза, звон оконного стекла, стук камешка по металлическому козырьку уличного фонаря, похожий на звук гонга и голос с улицы:

*) Большая Медведица

**) Малая Медведица

– Эй, там, наверху! Какой негодяй камнями кидается?! Вот я вам...!

Светящаяся надпись одновременно с выстрелом выключилась на очередные двадцать секунд. Все находящиеся на мансарде принялись мысленно считать: один, два, три, десять, одиннадцать... Досчитали до девятнадцати, затем, задержав дыхание, сосчитали двадцать, затем двадцать один, двадцать два – думая, что до этого считали слишком быстро, но нет – GNAC более не зажётся, оставаясь нечитаемой чёрной закорючкой, висящей на каркасе своей конструкции, как на виноградных шпалерах.

– А-а-а! – закричали все, и бесконечно звёздный небосвод предстал пред их глазами.

Марковальдо, застыв с поднятой для подзатыльника рукой, приготовленного для Микелино, почувствовал, что проецируется в пространство. Темнота, царящая теперь на высоте их крыши, поставила как бы барьер находящемуся внизу миру, где продолжали светиться какие-то иероглифы, жёлтые, зелёные и красные, где подмигивали глаза светофоров, проплывали освещённые окна пустых трамваев и невидимые автомобили, толкающие перед собой пару конических лучей света фар. И лишь рассеянная флуоресценция этого мира, расплывчатая, как дым, едва доходила до их мансарды. И поднимая глаза, более не ослеплённые GNAC, он восторженно открывал перспективу пространств, созвездия раздвигались и приобретали глубину, небесный свод был повсюду – сфера, включающая в себя всё и не содержащая никаких ограничений. И только одна брешь луны щелью приоткрывалась возле Венеры, выделяя одну её над кромкой земли неподвижным прорывом света, разорвавшего поверхность ночной сферы и сконцентрированного в одной точке.

Висящая в небе новая луна, вместо того, чтобы выставить напоказ иллюзию полумесяца, проявляла свою сущность матово освещённой сферы, круглая в невидимых лучах солнца, скрытого Землёй, являя – как можно видеть только в определённые ночи начала лета – свой тёплый цвет. И Марковальдо, глядя на узкий, яркий и жёлтый месяц луны, похожий на песчаный берег моря среди ночного неба, представил себя пришедшим ночью на пляж, чудесным образом оставшийся залитым солнцем.

Так они, замерев, оставались на своих местах: дети, напуганные неминуемыми последствиями их проступка, пришедшая в восторг Изолина и Фиордалиджи, разглядевший, наконец, в слабо освещённом окне долгожданную улыбку лунной девушки. Домитилла вздрогнула, очнувшись первой:

– Ночь на дворе, чего уставились? Заболеете ещё под этим лунным светом!

Микелино поднял рогатку вверх:

– А я и луну погашу! – но был схвачен за чуб и отправлен в кровать.

Так остаток этой и всю следующую ночь светящаяся надпись на крыше напротив говорила только «СПААК – СО» и с мансарды Марковальдо был хорошо виден небосвод. Фиордалиджи и лунная девочка посылали воздушные поцелуи друг другу, и, возможно, в дальнейшем без всяких слов им удалось бы договориться о свидании.

Но утром второго дня, на крыше, возле каркаса светящейся рекламы появились две стройные фигуры электриков в комбинезонах, проверяющих трубки и провода. С видом опытного старичка, предсказывающего погоду, Марковальдо высунул нос наружу и изрёк:

– Этой ночью снова будет GNAC.

Кто-то постучал к ним на мансарду. Открыли. Вошёл незнакомый синьор в очках:

– Мои извинения, позвольте выглянуть из вашего окна? Спасибо, – и представился:

– Доктор Годифредо, агент по световой рекламе.

«Мы разорены! Нас хотят заставить платить за ущерб! – подумал Марковальдо и уже ел детей глазами, позабыв свои недавние восторженные занятия астрономией. – Сейчас он смотрит в окно и понимает, что камни могли быть кинуты только отсюда».

Умоляюще протянул руку вперёд:

– Вы знаете, ребята стреляли по воробьям, и даже не знаю, как это случилось, что сломалась реклама «Спаак». Но я их наказал. Да, я их уже наказал! И можете быть уверены, что это никогда больше не повторится.

Доктор Годифредо внимательно взглянул на него.

– На самом деле я работаю на фирму «Коньяк Томавак», а не на «Спаак». Я приехал, чтобы изучить возможность размещения световой рекламы на этой крыше. Но, всё равно расскажите, мне интересно.

Случилось так, что Марковальдо, полчаса спустя, заключил контракт с «Коньяк Томавак» – главным конкурентом «Спаак». По нему дети должны были доставать свои рогатки каждый раз, когда надпись GNAC снова будет светиться.

– Рано или поздно чаша их терпения переполнится, – заключил доктор Годифредо.

И он не ошибся: уже на грани банкротства из-за всё более увеличивающихся расходов на рекламу, «Спаак» увидел плохое предзнаменование в постоянных сбоях в работе его самой красивой световой рекламы. Надпись «COGAC» превратилась в «CONAC», а затем в «CONC», порождая среди кредиторов разные нехорошие мысли. В какой-то момент рекламное агентство отказалось выполнять очередной ремонт до выплаты всей предыдущей задолженности, погасшая надпись вызвала недовольство среди кредиторов и «Спаак» рухнул.

В небе над Марковальдо полная луна теперь блестела во всём своём великолепии.

Она была в последней своей четверти, когда электрики снова вскарабкались на крышу напротив. С той ночи светящиеся буквы вдвое выше и толще, чем прежде, гласили «COGNAC TOMAWAK», и не было больше ни луны, ни созвездий, ни неба, ни ночи – только «COGNAC TOMAWAK», «COGNAC TOMAWAK», «COGNAC TOMAWAK», которые загорались и гасли каждые две секунды.

Более всех пострадал Фиордалиджи, ввиду того, что чердачное окошко лунной девушки исчезло за чудовищно огромной непроницаемой «W».

Осень **15 Растение**

На работе, кроме прочих обязанностей, на Марковальдо возлагался ежеутренний полив растения, что рос в горшке у входа. Это было одно из тех комнатных растений с прямым и тонким стеблем, от которого в разные стороны отходят длинные ножки, заканчивающиеся широкими и блестящими листьями. В общем, одно из тех обычных растений с обычными листьями, которые кажутся не настоящими. Но это было настоящее растение и, как таковое, оно страдало, потому что находилось внутри помещения, между портьерой и подставкой для зонтов, где отсутствуют свет, воздух и влага. Марковальдо каждое утро замечал у него новый нехороший признак. То ножку у одного листика клонило, как будто у неё больше не было сил выдерживать вес листа. То другой лист покрывался пятнами, словно щёки ребёнка, больного корью. То у третьего кончик начинал желтеть. Вскоре заболевшие листья опадали на землю. Между тем (и от этого более всего сжималось сердце), стебель растения вытягивался и вытягивался, всё реже выпуская боковые побеги с листочками, и выглядел голым, как палка, с пучочком листьев наверху, что делало его весьма похожим на пальму.

Марковальдо подбирал с пола опавшие листья, очищал от пыли здоровые, выливал под основание стебля (медленно, чтобы не проливалось через край) половину лейки воды, быстро впитываемую землёй и выпиваемую растением. В эти простые движения он вкладывал столько заботы и внимания, как ни к какой другой своей работе, сострадая бедам растения почти как несчастью близкого человека. И вздыхал – то ли о нём, то ли о себе: потому что в этом кустике, что желтел, иссыхая между офисными стенами, чувствовал собрата по несчастью.

Растение (просто растение – оно, конечно, имело название, но имя более точное было абсолютно бесполезно в той среде, где только оно одно относилось к царству растений) вошло в жизнь Марковальдо, занимая его мысли в любое время дня и ночи. Взгляд, которым он сейчас оценивал облака, сгущающиеся в небе, был не взглядом горожанина, что думает – взять или не взять с собой зонтик, но крестьянина, что изо дня в день ждет конца засухи. И когда, поднимая голову от работы, замечал в светлом проёме окошка склада пелену начинающегося дождя, частого и тихого, бросал всё, бежал к растению, брал горшок и выставлял снаружи во дворе.

Растение, чувствуя воду, стекающую по листьям, как будто расправлялось, подставляя большую поверхность для капель, и от радости его зелёный цвет становился более ярким. По крайней мере, так казалось Марковальдо, который очарованно замирал перед ним, забыв укрыться под навесом.

И так они оставались во дворе, человек и растение, один напротив другого. Человек, пытающийся почувствовать себя растением под дождём, и растение – отвыкшее от свежего воздуха и естественных проявлений природы, – потрясённое почти так же, как человек, внезапно оказавшийся мокрым с головы до ног в насквозь промокшей одежде.

Марковальдо, задрав нос, внюхивался в дождь – в запах для него лесной и луговой, уносясь в мыслях в неясную даль, вслед за смутными воспоминаниями.

И когда среди раздумий более отчётливо и ярко выделялось свежее воспоминание о ревматических болях, изводящих его каждый год, он торопливо возвращался в помещение.

Рабочий день был закончен, и нужно было закрывать фирму. Марковальдо, подумав, спросил у кладовщика, своего начальника:

– Могу я оставить растение там, во дворе?

Начальник, синьор Вилиджельмо, был человеком, не любящим чересчур обременительной ответственности:

– Вы с ума сошли? А если его украдут? Кто будет отвечать?

Марковальдо, тем не менее, видел пользу растению от дождя, и не желал его возвращения в помещение: он не хотел понапрасну транжирить этот дар неба.

– Тогда я мог бы держать его при себе до самого утра... – предложил он. – Поставлю на багажник и увезу домой... Так оно сможет побыть под дождём как можно дольше...

Синьор Вилиджельмо подумал немного, и потом заключил:

– То есть ты хочешь сказать, что отвечаешь за него? – и дал согласие.

Марковальдо проезжал через город под проливным дождем, пригнувшись к рулю своего велосипеда с мотором и укрывшись под капюшоном ветро- и водонепроницаемой куртки. Сзади к багажнику он привязал цветочный горшок, так что велосипед, человек и растение, казались единым целым, более того, сторбленный и укутанный человек стал незаметным, и было видно лишь одно растение, едущее на велосипеде. Иногда Марковальдо поворачивался назад и бросал взгляд из-под капюшона на развевающуюся за плечами мокрую листву, и каждый раз ему казалось, что растение становилось более высоким и густым.

Как только Марковальдо с горшком в руках зашёл в свой дом – мансарду с подоконником на крыше, дети радостно закружились вокруг него в хороводе.

– Ёлка! Рождественская ёлка!

– Да нет же, что вам пришло на ум? Сейчас не время Рождеству! – запротестовал Марковальдо. – Осторожнее с листьями, они очень нежные!

– В этом доме нас уже как сардин в банке, – проворчала Домитилла. – Если ты притащил дерево, то, наверное, должны будем уйти мы...

– Но ведь это живое растение! Я поставлю его на подоконник...

Тень от растения на подоконнике можно было увидеть из комнаты, и Марковальдо за ужином смотрел не в тарелку, а в окно.

Когда они перебрались из подвала на чердак, жизнь Марковальдо и его семьи намного улучшилась. Однако житьё под крышей имело и свои недостатки: сквозь потолок, например, кое-где просачивалась вода. Капли падали в четырёх или пяти местах, через равные промежутки времени, и Марковальдо подставлял тазы и кастрюли. Дождливыми ночами, когда все были в постели, слышалось непрерывное тик-ток-тук со всех сторон, что вызывало у него озноб – предвестник ревматизма. В ту ночь, напротив, каждый раз просыпаясь от беспокойного сна, Марковальдо прислушивался и тик-ток-тук казался весёлой музыкой, как бы говорившей ему, что дождь по-прежнему шёл, такой приятный и непрерывный, и питал растение, толкая сок вверх к тонким ножкам, держащим листья-паруса. «Завтра я выгляну в окно и увижу, насколько оно выросло!» – мечтательно думал он.

Но, сверх всех ожиданий, открывая окно утром, он не смог поверить глазам: растение теперь загораживало добрую половину окна, листьев было, по крайней мере, раза в два больше, и они более не свисали под своим весом, а были выпрямлены и остры, как мечи. Он спустился по лестнице, прижимая горшок к груди, привязал его к багажнику и поехал на работу.

Дождь перестал, но погода была неустойчивой. Марковальдо ещё не слез с седла, когда снова почувствовал падающие капли. «Это хорошо! Оставляю-ка его во дворе», – подумал он.

На складе время от времени высовывал нос в окошко, что выходило во двор. Это постоянное отвлечение от работы начальнику склада не нравилось.

– Ну, что там сегодня у тебя, куда ты постоянно смотришь?

– Растёт! Идите посмотрите, синьор Вилиджельмо! – Марковальдо подал знак рукой, и говорил почти шёпотом, как будто растение могло их заметить. – Посмотрите, как оно растёт! Правда, выросло?

– Да, немного выросло, – согласился начальник. Для Марковальдо это было одной из тех редких похвал, которыми жизнь баловала его на работе.

Была суббота. Работа заканчивалась в час, и вплоть до понедельника можно было о ней забыть. Марковальдо хотел было снова взять растение с собой, но дождь прекратился, и он не мог найти повода для этого. Небо, однако, не было чистым: облака и чёрные тучи виднелись тут и там. Пошёл к начальнику, слывшему страстным поклонником метеорологии и обладающему барометром, который всегда висел над его столом.

– Что Вы полагаете на счёт погоды, синьор Вилиджельмо?

– Гадко. Все дни – гадко, – сказал он. – Впрочем, здесь сейчас дождя нет, однако в районе, где живу – есть: только что звонила жена.

– Тогда, – поспешил предложить Марковальдо, – я могу повозить растение по тем местам, где идёт дождь, – и отправился крепить горшок к багажнику велосипеда.

Вторую половину субботы и всё воскресенье Марковальдо провёл, гарцуя в седле своего велосипеда с мотором, с растением за спиной. Он всматривался в небо, ища тучу пожирнее и понадёжнее, и устремлялся к ней, колеся по улицам, пока не попадал под дождь. Каждый раз, оборачиваясь, находил растение ещё немного подросшим: высотой сначала с такси, потом с пикап, а потом с трамвай! Его листья выглядели всё более широкими, и струйки дождя душем стекали с них на его водонепроницаемый капюшон.

Это было уже целое дерево о двух колесах, стремительно перемещающееся по городу, смущая регулировщиков, дезориентируя водителей и удивляя пешеходов. Тучи, в свою очередь, неслись по своим небесным улицам вслед за ветром, обдавая дождём то один, то другой квартал. Прохожие то и дело вытягивали вверх руки, открывая зонты, а Марковальдо снова и снова преследовал свою тучу по улицам, проспектам и площадям, ловко управляя рулём, укрывшись под капюшоном, из которого торчал один нос. Моторчик тархтел на полную катушку, стараясь удерживать растение в зоне падающих капель, и, казалось, шлейф дождя, который облако тащило за собой, сам ухватил растение и тащило за листья. И так всё бежало и летело, увлекаемое одной и той же силой: ветер и облака, дождь, растение и колеса.

В понедельник Марковальдо явился пред синьором Вилиджельмо с пустыми руками.

– А где растение? – тотчас спросил кладовщик.

– Снаружи. Пойдёмте, покажу.

– Где? – не понял Вилиджельмо. – Я не вижу.

– Оно там. Только выросло немного... – и указал на дерево, которое доходило уже до второго этажа. Оно находилось не в своём старом горшке, но в чём-то вроде бочки, и вместо велосипеда Марковальдо вынужден был обзавестись мотоциклом с фургончиком.

– И что с этим делать?! – начальник был в ярости. – Как мы сможем занести его внутрь, если оно больше не проходит в двери!

Марковальдо пожал плечами.

– Единственное, что мы можем сделать, – сказал Вилиджельмо, – это вернуть его в питомник для обрезания до прежнего размера!

Унылый Марковальдо снова влез в седло.

– Хорошо, я отвезу его.

Он снова начал колесить по городу. Дерево заполняло зеленью центр улиц. Озадаченные регулировщики останавливали его на каждом перекрёстке, но когда Марковальдо объяснял, что везёт растение обратно в питомник, чтобы его там укоротили, позволяли продолжить движение. Но, кружа и кружа по соседним с питомником улицам, Марковальдо всё не решался в него заехать.

Резать своего питомца, своё творение, свою удачу, теперь, когда оно так выросло, у него не было никаких сил и сердце его разрывалось: в своей жизни он, как ему казалось, никогда ни от чего не имел такого удовлетворения, как от результатов ухода за этим растением.

И так он продолжал сновать челноком по улицам, площадям, набережным и мостам. Зелень тропических лесов свисала, укрывая его голову, плечи, и руки, почти полностью скрывая его. Все эти листья и черенки листьев и даже стебель (который по-прежнему оставался очень тонким) раскачивались и вибрировали в постоянной тряске под дождём, который ещё долго продолжал бить по ним, но потом капли стали падать всё реже и реже и вскоре дождь совсем прекратился.

Был предзакатный час. В глубине улиц, в пространстве между домами показалось запутавшееся в красках радуги вечернее солнце.

Растение после стремительного усиленного роста, продолжавшегося, пока длился дождь, выглядело обессиленным и измученным.

Марковальдо, продолжая свой путь, не догадывался, что позади него листья один за другим меняли свой цвет с тёмно-зелёного на золотисто-жёлтый.

Процессия из мотороллеров и автомобилей, велосипедов и ребятни уже давно следовала за деревом, ехавшим по городу, и кричали:

– Баобаб! Баобаб! – с огромным удивлением наблюдая за желтеющими на глазах листьями. Когда листья отрывались и падали, множество рук вскидывались вверх, чтобы поймать их на лету.

Подул ветер, и жёлтые листья закружились в его порывах, уносясь прочь. Марковальдо ещё думал, что за его спиной находилось зелёное и пышное дерево, когда, быть может, укрываясь от сильного и долгого порыва, повернул голову. Деревя больше не было, вместо него оказался только один тонкий прутик со скелетом голых веточек и последним пожелтевшим листиком, ещё державшимся на самой верхушке. В свете радуги всё вокруг казалось чёрным: и люди на тротуарах и фасады выстроившихся домов, и на этом чёрном фоне, паря в воздухе, кружились и кружились золотые, блестящие листья, сотни листьев. И сотни рук, красных и розовых, поднимались из тени, хватая их. Порыв ветра, уносивший золотые листья вверх, к радуге, сорвал и последний лист, ставший вдруг из жёлтого оранжевым, затем красным, фиолетовым, лазурным, зелёным, потом снова жёлтым. И так он поднимался всё выше и выше, пока окончательно не исчез из виду...

Зима

16 Супермаркет

Ровно в шесть часов вечера город целиком отдавался во власть потребителя. Целый день важнейшим делом всего работоспособного населения было производство товаров народного потребления. Но в определённый момент работа внезапно, будто выключали общий рубильник, прекращалась и, – вперёд! – все бросали работать и устремлялись потреблять. Магазины встречали многоцветьем красок ярко освещённых витрин: гирлянды свисающих красных сосисок; башни фарфоровых тарелок, поднимающиеся до потолка; драпировки тканей, раскрытые хвостами павлинов. И вот уже врывающиеся толпы потребителей всё это хватают, теребят и шупают, выбирая подходящий товар.

Очередь бесконечна. Извиваясь по тротуарам и крылечкам, протянувшись через стеклянные двери универсамов и вокруг прилавков, она колыхается от тычков локтями, метящих непременно в ребра. Работа локтей ритмична, как размеренные удары поршня. Потребители. Хватают товар и кидают назад, если тот рвётся в руках, и снова хватают. Потребители. Вынуждают бледных от ужаса продавщиц снова и снова раскладывать на прилавке скомканное постельное белье. Потребители. Клубки цветного шпагата крутятся юлой, листы яркой упаковочной бумаги взмывают вверх крыльями куропаток, покупки упаковываются в пакетики, пакетики в пакеты, а пакеты в пакетищи, обязательно завязываемые на бантик. И затем все эти пакетищи, пакеты, пакетики, сумки и сумочки кружатся в водовороте возле кассы. Руки роются в сумках, пытаются отыскать кошельки. Пальцы, ковыряются в кошельках, ища нужную мелочь. Затем сумки возвращаются вниз, в лес незнакомых ног, где дети, выпустившие из рук фалды верхней одежды родителей, теряются и плачут...

В один из таких вечеров Марковальдо вывел на прогулку свою семью. Будучи обыкновенно без денег, занятием их было смотреть на других, делающих покупки. Всё дело в том, что, чем быстрее циркулируют деньги, тем больше находится тех, кто уже не надеется, что «рано или поздно, в конце концов, они пройдут хоть немного и через мои карманы». Зарплата Марковальдо была мизерной, семья многочисленна, нужно было платить за кредиты, и от того она утекала ещё быстрее. Но, в любом случае, всегда приятно гулять по супермаркету, ходить и смотреть, тем паче, что за просмотр денег не берут!

Супермаркет работал в режиме самообслуживания. Возле входа можно было взять тележку – большую железную корзину на колёсиках. Каждый посетитель брал одну из них и толкал перед собой, наполняя всякой всячиной. Марковальдо взял одну тележку себе, одну жене и по одной своим четырём детям. И так они шли процессией, важно катя тележки прямо перед собой между прилавками, заваленными горами вещей и снедью, показывая друг другу на колбасы и сыры, и раскланивались, узнавая в толпе лица друзей и знакомых.

– Папа, а мы можем взять вот это? – спрашивали дети каждую минуту.

– Нет, это трогать нельзя, запрещено, – говорил Марковальдо, памятуя, что в конце маршрута их ждёт неумолимый кассовый аппарат.

– А почему тогда эта синьора их берёт? – продолжали дети выпытывать, разглядывая опрятных женщин, пришедших купить две морковки и сельдерей.

Они не могли устоять перед пирамидами банок и – бум! бум! бум! – нечаянным движением позволяли банкам очищенных помидор, консервированных персиков и анчоусов в масле падать барабанной дробью в тележку.

Замечено, что если твоя корзина пуста, а у других – полная, ты можешь держаться лишь до определенного момента. Потом тебя обуревают зависть и сердечная тоска, и ты более не способен сдерживаться. Вот и Марковальдо, после рекомендаций жене и детям не трогать ничего, быстро свернул в проход между стойками, дабы скрыться из поля зрения домочадцев, молниеносно взял с полки коробку фиников и положил в корзину. Он хотел испытать удовольствие от обладания ею в течение хотя бы десяти минут, чтобы другие увидели, что он не хуже их и, как и они, тоже делает покупки, и только затем положить обратно на место эту коробку. А также бутылку красного острого соуса, пакет кофе и пачку спагетти ярко голубого цвета. Марковальдо, делая это незаметно от семьи, мог, по крайней мере, с четверть часа ощущать вкус радости от того, что знает, как выбрать продукт и не платить за это ни копейки. Но горе, если бы дети в этот момент его увидели! Тотчас они принялись бы ему подражать, и кто знает, к какому хаосу это бы привело!

Марковальдо заметал следы, идя зигзагом от секции к секции, следуя то за сосредоточенными домработницами, то за господином в шубе. И едва кто-то из них поднимал руку, чтобы взять жёлтую, ароматную тыкву или коробку с треугольными сырками, он делал то же самое. Из динамиков неслась бодрая музыка: потребители двигались и останавливались в такт ритму мелодий, в нужный момент протягивали руку, брали очередной товар и синхронно с музыкой помещали в корзину.

Тележка Марковальдо была забита товаром, но ноги уже несли его вглубь отделов мало популярных. Товары, с названиями всё менее и менее поддающимися расшифровке, были упакованы в коробки с картинками, из которых не ясно, было ли это удобрение для салата-латука, или семена салата, или собственно салат, или отравы для гусениц, поедающих салат, или же корм для привлечения птиц, которые едят этих гусениц, поедающих салат, или же это приправа – то ли для салата, то ли для жарки птицы. Однако Марковальдо брал их и по две и по три коробки.

Так он оказался в проходе между двух высоких ограждений. Внезапно проход закончился и открылось длинное пустое пространство с неоновыми огнями, сверкающими и отражающимися от блестящего пола. Марковальдо очутился там один со своей доверху нагруженной тележкой. В глубине этого открытого пространства был выход к кассе.

Инстинктивно возникло желание броситься бежать с опущенной вниз головой, толкая тележку впереди себя, как танк, и выбежать из супермаркета с добычей прежде, чем кассир успеет подать сигнал тревоги. Но в этот самый момент из другого прохода возникла телега, нагруженная ещё больше, чем его, и тот, кто её толкал, оказался его женой Домитиллой. С другой стороны появилась ещё одна – Филиппетто толкал её изо всех сил. Это было то место, в котором проходы из многих отделов соединялись, и в каждом из выходов появился ребенок Марковальдо, толкая трёхколёсную тележку, как тяжело нагруженное торговое судно. Каждый из них имел такую же идею о прорыве через кассу, оказавшись в некотором замешательстве, характерном для большинства людей, считающих супермаркеты примером доступности для всех.

– Папа, наконец-то мы богаты? – спросил Микелино. – Еды у нас теперь хватит на целый год!

– Назад! Быстро! Прочь от кассы! – воскликнул Марковальдо, поворачивая назад, и, согнувшись вдвое, будто спасаясь от вражеского обстрела, кинулся со своей добычей за стеллажи, возвращаясь к дальнейшему блужданию по отделам.

Грохот раздался за его спиной – он обернулся и увидел всех своих с тележками, выстроившихся в длинный поезд и галопом следовавших за ним по пятам.

– А правда, что здесь будет счёт на целый миллион?

Супермаркет был громаден и походил на запутанный лабиринт: здесь можно было бродить часами. С таким количеством провизии семья Марковальдо могла провести здесь всю зиму, не выходя на улицу. Но динамики неожиданно прервали трансляцию музыки, и из них донеслось:

– Внимание! Внимание! Через пятнадцать минут супермаркет закрывается! Приглашаем всех к кассам!

Наступило тяжёлое время избавления от груза: сейчас или никогда. На призыв диктора толпу потребителей охватило неистовство, как если бы это были последние минуты работы последнего супермаркета в мире. Было непонятно, что делать: хватать то, что ещё было на полках или же, довольствуясь малым, прорываться к кассе.

Кружа вокруг стоек, Марковальдо с Домитиллой и детьми потихоньку стали выкладывать товар обратно на полки, не гнушаясь, впрочем, незаметно смахивать его в тележки других покупателей. Возврат товара на место осуществлялся несколько хаотично и во многом случайно: липкая бумага от мух легла на полку с ветчиной, кочан капусты водрузился между тортами. Некой синьоре, вместо тележки толкавшей коляску с младенцем, незаметно подложили оплетённую бутылку вина «Барбера».

Это добровольное лишение себя вещей, которыми даже ни разу не удалось воспользоваться, было сопряжено с мучительными страданиями, доводящими до слёз. Когда выкладывался обратно пакетик майонеза, случалась под рукой гроздь бананов, и рука непроизвольно брала их в корзину; или жареная курица оказывалась в корзине вместо нейлоновой щетки – таким образом, их тележки то опорожнялись, то снова загружались вожделенным товаром.

Семья Марковальдо со своей добычей то поднималась, то спускалась по эскалаторам, и на каждом этаже, на выходе из отделов находился кассир-контролёр, как пулемётчик стрекотавший на арифмометре по всем тем, кто намеревался выйти из магазина. Марковальдо всё более чувствовал себя то ли зверем, запертым в клетке, то ли заключённым в залитой светом тюрьме со стенами из красивых разноцветных панно.

В одном месте стенные панели были сняты, стояла стремянка, валялись молотки и разные другие инструменты плотников и каменщиков. Видимо какая-то бригада занималась расширением супермаркета, рабочий день закончился и рабочие, побросав всё, ушли. Марковальдо осторожно прошёл в дыру в стене. Там было темно. Он продвинулся дальше. Вся семья с тележками последовала за ним.

Прорезиненные колёса тележек скакали по неровной поверхности грунта, временами то утыкаясь в песок, то наезжая на какие-то балки. Марковальдо, удерживая равновесие, провел тележку по одной из балок. Остальные домочадцы прошли за ним.

Вдруг они увидели впереди и сзади, выше и ниже себя много света, там и сям разбросанного в пространстве, а вокруг – непонятную пустоту.

Они оказались на строительных лесах на высоте восьмого этажа. Город лежал под их ногами, освещаемый яркими огнями вывесок и электрическими вспышками искр проходящих внизу трамваев. Над ними было бездонное небо, усыпанное звёздами и красными огоньками антенн радиостанций. Леса дрожали, прогибаясь под тяжестью груза.

Из темноты надвинулась тень. Она казалась огромным разинутым беззубым ртом, поворачивающимся на длинной металлической шее. Микелино прошептал:

– Я боюсь!

Тенью оказался строительный кран. Опустившись сверху, он замер на их высоте, нижней челюстью как раз напротив самого края лесов. Марковальдо наклонил тележку, вывалил содержимое прямо в железную пасть, и прошел вперед. Домитилла проделала то же самое. Дети последовали их примеру. Кран закрыл свою пасть, унося внутри себя всю добычу из супермаркета, и довольно кряхтя, вытягивая шею, отошёл. Далеко внизу зажигались, гасли и снова зажигались разноцветные огни рекламы, призывающие делать покупки на распродажах в бо-о-ольших супермаркетах.

Весна
17 Мыльные пузыри

Каждый день почтальон опускал в почтовые ящики жильцов по несколько конвертов, и только в ящике Марковальдо не бывало писем: ему никто никогда не писал, и, если бы не появляющиеся там ежемесячно счета на оплату света и газа, почтовый ящик был бы для него абсолютно бесполезен.

– Папа, почта! – кричит Микелино.

– Очередная реклама! – уточняет он.

В этот раз во все почтовые ящики был опущен сложенный пополам жёлто-голубой листок. В нём сообщалось, что моющее средство марки «Бланкасол» является самым лучшим и тот, кто его предъявит, получит бесплатный пробный образец.

Поскольку эти листочки были узкие и длинные, они не помещались в почтовые ящики целиком и торчали снаружи. Многие из них валялись на земле, мятые и скомканные, так как большинство жильцов, открыв ящик, не читая, сразу выкидывали из него всю рекламу. Филиппетто, Пьетруччо и Микелино, подбирая какие-то с земли, какие-то вынимая из ящиков, начали собирать коллекцию рекламных листовок «Бланкасол».

– Я собрал больше всех!

– Нет, давай считать! Спорим, у меня больше!

Рекламная кампания «Бланкасол» настойчиво стучалась во все квартиры и подъезды. И братья, подъезд за подъездом, начали обходить квартиры, собирая рекламу этой фирмы. Некоторые из консьержек их прогоняли:

– Баловники! Пришли что-нибудь стащить? Сейчас я вызову полицию! – Другие же бывали рады, что они собрали хоть немного рекламного мусора, накапливающегося там каждый день.

К вечеру две тесные комнаты Марковальдо были заполнены голубыми и жёлтыми полосками от «Бланкасол». Дети их считали и пересчитывали, набивая ими пакеты, как кассиры банкнотами.

– Папа, если у нас их уже так много, мы сможем открыть прачечную? – спрашивал Филиппетто.

В те дни в сфере производства моющих средств царил большое оживление. Рекламная кампания «Бланкасол» дала сигнал фирмам-конкурентам. Для продвижения своих продуктов они начали раскладывать во все почтовые ящики города подобные купоны, дающие право на получение бесплатных образцов, которые всё более и более увеличивались в размерах.

Дети Марковальдо все последующие дни были заняты большими делами. Почтовые ящики каждое утро расцветали, как персиковые деревья весной: листочки с зелёными, розовыми, лазурными и оранжевыми рисунками обещали белоснежно выстиранное бельё тем, кто использовал «Спумадор» или «Лаволюкс», «Сапональба» или «Лимпиалин». Мальчишечьи коллекции купонов и талонов на подарки пополнялись всё новыми и новыми разделами. В то же время расширялась и территория сбора, распространяясь на подъезды домов соседних улиц.

Безусловно, такие маневры не могли пройти незамеченными. Ребята, живущие по соседству, быстро смекнули, что за охоту вели весь день Микелино с братьями, и вот уже листки, на которые до сих пор никто не обращал внимания, стали желанной добычей и для них. Между различными группами сорванцов наступил период острого соперничества, в котором сбор на чужой территории становился причиной раздоров и стычек. Затем, после серии встреч и переговоров пришли к пониманию, что система организованной охоты более прибыльна, чем один стихийный набег. С тех пор сбор листов стал настолько отлаженным, что, едва разносчик от «Кандофьор» или «Ришаквик» начинал обход подъездов, его путь тотчас засекался, и за ним уже шли по пятам, шаг за шагом. Реклама, не успев опуститься в почтовые ящики, сразу же переключивалась в руки мальчишек.

Командовали операцией, как вы понимаете, Филиппетто, Пьетруччо и Микелино, потому что это была их идея. Удалось даже убедить остальных детей, что купоны – общее достояние, и поэтому их нужно хранить в одном месте.

– Как в банке! – уточнил Пьетруччо.

– Мы владельцы прачечной или банка? – переспросил Микелино.

– В любом случае, мы – миллионеры!

Ребята не спали от возбуждения, строя планы на будущее:

– Мы отоварим все купоны и соберём в одном месте огромное количество стирального порошка!

– Где мы всё это будем хранить?

– Мы арендуем склад!

– А почему не целый корабль?

Каждая рекламная кампания, как цветы или фрукты, сезонна. Через несколько недель реклама моющих средств закончилась, и в почтовых ящиках стали попадаться только извещения о средствах от мозолей.

– Будем собирать и эти! – предложил кто-то. Но победила идея бросить все силы на получение богатств, заключённых в моющих средствах. Следовало обойти все заранее определённые магазины для получения пробных образцов по каждому купону. Но новый этап их плана, с виду очень лёгкий, оказался гораздо более длинным и сложным, чем первый.

Операции проводились в строго определённом порядке: каждый человек из команды мог заходить в каждый магазин только один раз. Можно было предъявить три или четыре купона сразу, однако все различных марок, и если продавцы не захотят дать пробные образцы сразу по нескольким купонам разных брендов, то надо было говорить так: «моя мама хотела бы опробовать все, чтобы понять, какой лучше».

Дело осложнялось ещё и тем, что во многих магазинах бесплатный пробный образец давали только посетителям, сделавшим покупки. Никогда раньше мамы не видели, чтобы их дети так горели желанием сходить в магазин.

Таким образом, превращение подарков в товар растягивалось надолго и требовало дополнительных расходов, ввиду того, что заказов на покупки и, соответственно, денег матерями давалось мало, а магазинов нужно было обойти много. Чтобы получить необходимый оборотный капитал, не было другого способа, как немедленно начать

реализацию третьего этапа плана, то есть, собственно, продажу уже собранных моющих средств.

Решили пойти продавать по домам, звоня в двери квартир.

– Синьора! Вас интересует новое средство? Ваше бельё будет идеально чистым! – и протягивали коробочку «Ришаквик» или пакетик «Бланкасол».

– Да, да, спасибо, – говорил кто-нибудь и, взяв образец, захлопывал перед ними дверь.

– Как? А заплатить?! – дети начинали изо всех сил колотить в дверь, пока та снова не открывалась.

– Заплатить? Это разве не бесплатно? Убирайтесь отсюда, плутишки!

Дело в том, что как раз в эти дни начали обходить дома агенты, отвечающие за различные бренды моющих средств, и предлагали получить образцы бесплатно: это была новая рекламная акция по презентации моющих средств, ввиду малоэффективности кампании распространения купонов через почтовые ящики.

Дом Марковальдо казался похожим на склад бакалейной лавки, полный продукции фирм «Кандофьор», «Лимпиалин», «Лаволюкс». Но из всего этого количества товара не было продано ни на грош – образцы превратились в предметы, которые можно только подарить и доставляющие их хозяевам столько же пользы, как, скажем, вода из фонтанов.

Разумеется, среди распространителей рекламной продукции не замедлили распространиться слухи, что некие ребята следуют тем же самым маршрутом, обходя один за другим подъезды, и продавая те же самые продукты, которые они сами предлагали бесплатно. В мире торговли среди конкурентов часты взаимные подозрения, недоверие и пессимизм: пошли слухи, что агентам, которые предлагали образцы бесплатно, люди отвечали, что они им не нужны, а у тех, кто за них просил плату, покупали. Для прояснения ситуации различные фирмы объединили усилия, были проведены консультации со специалистами по изучению рынка и вывод, к которому пришли, был таков: нечестная конкуренция могла осуществляться только скупщиками краденого товара. Полиция, получая регулярные жалобы на неизвестных, начала обходить окрестности в поисках жуликов и выявления тайника с краденым.

Моющее средство становилось опаснее динамита. Марковальдо испугался:

– Я боле не потерплю ни грамма этих порошков в своём доме! – Но никто не знал, куда его девать – во всём доме он никому не был нужен. Было решено, что дети пойдут и выбросят всё это в реку.

...В предрассветный час на мост заехала тележка, которую спереди тянул Пьетруччо, а сзади толкали его братья. Она была доверху нагружена коробками продукции «Сапональба» и «Лаволюкс». За ней двигалась такая же, которую тащил Угуччоне, сын консьержки из дома напротив, а за ними ещё и ещё. На середине моста они остановились, подождали пока проедет чересчур любопытный велосипедист, с удивлением оборачивавшийся на них, и затем Микелино, скомандовав: «Давай!» – первым начал бросать коробки в реку.

– Глупый! Разве не видишь, что они не тонут? – крикнул Филиппетто. – Надо выбрасывать в реку порошок, а не коробки!

Из открываемых одна за другой коробок медленно рассыпалось белое облако. Оно опускалось на воду и, поначалу, казалось, поглощалось рекой, однако через мгновение вновь

появлялось на поверхности большим количеством пузырьков, а затем снова уходило в глубину.

– Вот это совсем другое дело! – ребята с энтузиазмом продолжили высыпать десятки тысяч грамм в воду.

– Посмотрите туда! – воскликнул Микелино, показывая вниз.

Ниже по течению была стремнина. В месте, где поток ускорялся, пузырьки не появлялись, но снова всплывали на поверхность чуть ниже по течению и становились большими пузырями, которые надувались и пенились. Мыльная волна поднималась и увеличивалась в размерах, белоснежная и пышная, как пена под кистью брадобрея. Казалось, порошки конкурентов упрямо ставили цель доказать своё превосходство в шипении и бурлении: река переполнялась мыльной пеной, выплёскивая её на набережные и причалы. Завидев это, рыбаки, встречавшие утреннюю зорьку, быстро собирали удочки и бежали прочь.

В утреннем воздухе почувствовалось первое дуновение ветерка. Гроздья пузырей стали отрываться от поверхности воды и, почти невесомые, полетели ввысь, увлекаемые воздушным потоком. Рассветные лучи раскрашивали пузыри в розовый цвет. Дети заворуженно глядели на то, как они проплывали над их головами и восторженные крики вырывались из их уст.

Пузыри летели над городом, следуя за невидимой траекторией воздушных потоков, проникая в пространства улиц на высоте крыш и избегая губительных для них прикосновений к карнизам и водосточным желобам. Поначалу летящие кучно, теперь они рассыпались в стороны: пузыри летели каждый сам по себе, и, придерживаясь каждый своего маршрута, отличного по высоте, скорости и траектории, блуждали по воздуху. Они, можно сказать, размножались: собственно, это было именно так – река продолжала выделять пену, как кастрюля с убегающим на огне молоком. И ветер, ветер подхватывал их, растягивая в радужные гирлянды, и гроздьями уносил в вышину. Они радостно играли в уже завладевших городом и рекой косых солнечных лучах, которые, отражаясь от крыш, наполняли светом небо выше проводов и антенн.

Внизу тёмные силуэты рабочих на тарахтящих мопедах спешили на заводы, и зелёно-лазоревого роя пузырей следовал за ними, как будто каждый из них тащил за собой гроздь воздушных шариков, привязанных к рулю длинной невидимой нитью.

В трамвае, полном людей, раздались голоса:

– Эй, смотрите! Смотрите! Что это там наверху? – Вагоновожатый остановил трамвай и выбежал на улицу. За ним высыпали пассажиры и стали смотреть в небо. Остановились велосипеды, мопеды, автомобили, замерли продавцы газет, булочники и ранние прохожие, среди них и Марковальдо, шедший на работу. Все, задржав голову, стали следить за полётом загадочных сфер.

– Атомная война! – заголосила старушка, и страх овладел людьми. Кто-то замечал опускающийся пузырь и отбегал от него, крича: – Спасайтесь, он радиоактивный!

Но пузыри продолжали свой порхающий полёт, радужные, невесомые и настолько хрупкие, что достаточно было лёгкого дуновения и – пум! – они мгновенно исчезали. Чувство тревоги среди людей стало затихать.

– Да какие же они радиоактивные! Это всего лишь мыло! Мыльные пузыри, какие пускают дети! – и бурная радость овладела ими. – Смотрите, какой! И вон тот! И этот! – они

увидели летящие пузыри огромных, невероятных размеров. Соприкасаясь друг с другом, они объединялись, становясь двойными и тройными. И небо, и крыши высотных зданий через эти прозрачные купола приобретали вид, форму и цвет, доселе не виданные.

Начиналась рабочая смена и, как обычно, из заводских труб повалил чёрный дым. Стаи пузырей встретились с облаками дыма, и небо разделилось пополам, с одной стороны наполненное чёрными клубами, с другой – потоком радужной пены. Во встречных потоках ветра они боролись между собой, и на мгновение, лишь на мгновение, показалось, что верхушки дымовых труб были захвачены мыльными пузырями. Но тотчас началось смешение дыма, что поглотил радугу пены, с мыльными шарами, поглотившими завесу частиц сажи, и уже ничего не возможно было разобрать. Марковальдо вглядывался и вглядывался в небо, пока окончательно не потерял из виду последние пузыри, и где был теперь лишь только дым, дым, дым...

Лето
18 Один в городе

Одиннадцать месяцев в году население обожало свой город – с его небоскребами, автоматами по продаже сигарет, широкоформатным кино и прочими привлекательными удобствами городской жизни. Единственным жителем, которому нельзя было приписать это чувство, определённо был Марковальдо, но что он действительно обо всём этом думал было трудно узнать из-за его необщительности, да и, вообще говоря, его мнение никому не было особо интересным.

Но вот наступал долгожданный август, переворачивающий с ног на голову всё восприятие горожан. В городе более никто не желал оставаться: те же небоскребы, подземные пешеходные переходы и автомобильные парковки, до вчерашнего дня всеми любимые, становились не милыми глазу и раздражающими. И вот уже население не желало ничего другого, кроме скорейшего выезда прочь из города: все отправляющиеся поезда были переполнены, а шоссе забиты машинами. К 15-му числу уезжали практически все. Все, кроме одного человека: Марковальдо оставался единственным жителем, не покинувшим город.

Утром он вышел прогуляться по центру. Его взору открывались широкие и бесконечные улицы, свободные от машин и совершенно безлюдные. Фасады домов, чередующиеся то серыми опущенными ставнями закрывшихся магазинов, то бесконечными линиями планок наглухо закрытых жалюзи окон, казались вымершими трибунами стадиона. На протяжении года Марковальдо мечтал о том, чтобы, наконец, использовать дороги именно как дороги, свободно прогуливаясь посередине проезжей части. Теперь он мог это делать, мог легко пройти под красный свет светофора, пересечь проезжую часть по диагонали и остановиться в самом центре перекрёстка. При этом удовольствие состояло не столько в том, чтобы делать такие неординарные вещи, а в том, что теперь всё вокруг виделось по-другому: улицы напоминали каньоны, ущелья или пересохшие русла рек, а дома становились похожими на величественные горы или обрывы скалистого берега.

Конечно, отсутствие чего-то привычного бросалось в глаза. Но всё же дело было не в отсутствии рядов припаркованных машин или затора на перекрестке, столпотворения в дверях универмага или скопления на остановке ожидающих трамвай, чего так не хватало, чтобы заполнить пустоту пространства и закруглить угловатые поверхности. Это было, скорее, клокотание воды при прорыве водопровода или мощь наступающих корней деревьев, разрушающих асфальт дороги. Взгляд Марковальдо блуждал вокруг, ища признаки другого города, города древесной коры и чешуек, сучков и прожилок под слоями краски, гудрона и штукатурки. И вот уже многоквартирный дом, мимо которого он ходил каждый день, виделся ему местом добычи серого песчаника; сучки на заборе из ещё свежих сосновых досок казались причудливыми камнями, а на вывеске большого магазина тканей отдыхала стайка уснувших бабочек моли.

Можно сказать, что, обезлюдев, город оказался во власти обитателей, незаметных вплоть до вчерашнего дня, и берущих теперь своё: Марковальдо шёл то вдоль муравьиной тропы, то следовал за траекторией полёта заблудившегося жука-скарабея, то сбавлял ход, составляя компанию ползущему извивами дождевому червяку. Но тут были не только спешащие куда-то обитатели полей и лугов: Марковальдо обнаружил, что на газетных киосках, на их северной стороне, обосновался тонкий слой плесени, а деревца в горшках перед ресторанами старательно вытягивают свои листья подальше от тени тротуаров. Но существовал ли ещё прежний, привычный город? Этот конгломерат из синтетических материалов, что поглощал дни Марковальдо, теперь проявлялся мозаикой из непохожих друг на друга камней, каждый из которых существенно отличался от других на вид и на ощупь, по твёрдости, теплоте и текстуре.

Так, забывая предназначение тротуаров и белых разделительных полос, Марковальдо шёл по улице зигзагами порхающей бабочки, когда радиатор «Спидера»*, несущегося под сотню километров в час, пронёсся в миллиметре от его бедра.

Отчасти от испуга, отчасти от упругого воздушного вихря, Марковальдо подбросило вверх, и через мгновение он упал почти без чувств.

Машины занесло, и с пронзительным кошачьим визгом она остановилась, развернувшись на 180 градусов. Из неё выскочила группа молодежи в рубашках. Парни были вооружены странными инструментами.

«Сейчас я получу тумачков, – подумал Марковальдо, – ведь я шёл посередине улицы!»

– Наконец-то мы его нашли! Наконец-то! – говорили они, обступая Марковальдо.

– А вот и он, – сказал один из них, держа серебристую палочку возле рта, – единственный житель, оставшийся в городе на день Успения. Извините, синьор, не хотите ли поделиться своими впечатлениями с телезрителями? – и сунул серебристую палочку под самый нос Марковальдо.

Вспыхнул ослепительный свет, стало жарко, как в раскалённой печи, и Марковальдо снова был на грани обморока. На него направили софиты, телекамеры и микрофоны. Он забормотал что-то и через каждые два-три слога, которые он произносил, молодой человек его перебивал, поворачивая микрофон к себе:

– Значит, вы хотите сказать... – и выдавал словесную тираду минут на десять.

В итоге, сделали интервью.

– Теперь я могу идти?

– Да, конечно, чрезвычайно благодарим вас... Больше того, если Вы сейчас не сильно заняты... и хотели бы заработать несколько тысяч лир... не доставите нам удовольствие, оставшись ещё ненадолго, чтобы нам помочь?

Вся площадь пришла в движение: фургоны, машины с различным оборудованием и подъёмниками для съёмок, аккумуляторные, осветительные установки и бригады потных мужчин в комбинезонах сновали туда-сюда.

– Вот она, едет! Едет! – и из подъехавшего шикарного автомобиля показалась кинозвезда.

– Так! Внизу, внимание! Начинаем съёмку в фонтане!

И режиссёр телепередачи «Безумство феррагосто**» дал команду на погружение знаменитой дивы в главный фонтан города.

Разнорабочему Марковальдо поручили передвигать по площади большой светоотражатель на массивном пьедестале.

*) «Спидер» – спортивный автомобиль

**) феррагосто – сезон летних отпусков в Италии с 1 по 15 августа

Огромная площадь наполнилась гудением машин, потрескиванием раскалённых ламп, ударами молота по металлическим сборным конструкциям и выкриками команд...

На глазах ослеплённого и ошеломлённого Марковальдо привычный город с его повседневной суетой неумолимо возвращался, вытесняя тот, другой, бывший различным лишь один миг, если вообще не пригрезившийся...

Осень

19 Сад кошек

Город кошек и город людей находятся один внутри другого, но они не есть одно и то же. Лишь немногие из кошек помнят то время, в котором не было этой разницы: улицы и площади людей были также улицами и площадями кошек. Как и газоны, и дворы, и балконы, и фонтаны. Всем жилось ладно в пространстве широком и разнообразном. Но в наше время уже несколько поколений кошек являются пленниками города, непригодного им для жилья. Улицы являют собой убийственное для них движение машин. На каждом квадратном метре земли, где ранее располагался сад или пустырь или руины снесённого дома, теперь возвышаются громады многоквартирных домов, жилые комплексы и новые сверкающие небоскребы. Все проходы и закутки забиты припаркованными автомобилями, а дворы один за другим перекрываются плитами и превращаются в гаражи, кинотеатры, склады товаров и мастерские. И там, где ещё недавно простирались изломанные горизонты низких крыш, карнизов, открытых террас, резервуаров воды, балконов, слуховых окошек и навесов из листового металла, теперь возвышаются громады одна выше другой. С их появлением исчезли промежуточные выступы и площадки от уровня земли до линии аттиков, и кошки из новых помётов напрасно ищут маршруты своих родителей, где ещё имелись опоры для мягкого прыжка с балюстрады на карниз и с карниза на черепицу крыши.

И в этом вертикальном городе, в городе стиснутого пространства, где все пустоты имеют склонность заполняться, и каждый блок из бетона стремится соединиться с другими бетонными блоками, появляется нечто вроде контр-города, анти-города, состоящего из крошечных пустот между стенами и минимальных расстояний между соседними зданиями, утверждённых правилами застройки. Этот город полостей, просветов, каналов вентиляции, узких проездов, внутренних крошечных площадок и лазов в подвалы напоминает сеть высохших каналов на планете шугатурки и гудрона. И вот через эту сеть пустот между стенами пролазит ещё древний кошачий народ.

Время от времени Марковальдо, чтобы скоротать время, наблюдал за кошками. Был перерыв в работе между полуднем и тремя, когда все сотрудники, за исключением Марковальдо, уходили домой на обед. Он же приносил еду с собой, располагался между ящиками на складе, жевал принесённое, выкуривал половину тосканской сигары и бродил остаток времени поблизости, одинокий и праздный, ожидая окончания перерыва. Кот, голова которого в это время часто заглядывала в окно, составлял ему добрую компанию и исполнял роль проводника в его новых исследованиях. Он сдружился с этим не в меру упитанным котом тигрового окраса с лазоревым бантом на шее, и наверняка проживающим в одном из богатых домов. Полосатый имел привычку вместе с Марковальдо прогуливаться в послеобеденное время и, похоже, эта их привычка со временем переросла в дружбу.

Следуя за полосатым другом, Марковальдо постепенно изучал близлежащие места, как бы глядя на них круглыми глазами киски. И даже если они были обычными окрестностями места его работы, он видел их в совершенно ином свете, и отдельные сценки из кошачьей жизни соединялись следами мягких и бесшумных лап. Несмотря на то, что внешне квартал казался бедным на кошек, в каждый день своих прогулок Марковальдо замечал некоторое количество новых кошачьих морд. Ему уже было достаточно одного мяуканья, фырканья или вздыбленной шерсти на выгнутой спине, чтобы догадаться о характере отношений, интриг и соперничества между ними. В такие моменты он думал, что уже постиг секреты кошачьего сообщества. Но он чувствовал, что и его самого изучают эти сузившиеся в щёлки зрачки и вытянутые антенны усов сидящих вокруг него непроницаемыми сфинксами кошек. Розовый треугольник носа переходил в чёрный треугольник губ, и двигающимися оставались лишь кончики ушей, словно подрагивающие живые радары. Марковальдо добирался до самого конца узкой щели между грязных глухих

стен и обнаруживал, что все кошки, залезшие туда перед ним, не понятно куда исчезали, включая и его полосатого друга. Их царство имело территории, обряды и обычаи, которые ему не было позволено знать.

Зато из города кошек открывались, порой, неожиданные выходы в город людей: так, однажды именно полосатый друг привёл его к фешенебельному ресторану «Биарритц».

Тот, кто хотел увидеть ресторан «Биарритц» не имел другого способа, как стать ростом с кошку, то есть встать на четвереньки.

Кошка и человек прогуливались вокруг подобия некоего купола, у подножия которого располагались низкие прямоугольные окошки. Следуя примеру полосатого приятеля, Марковальдо поглядел вниз. Это были полуоткрытые вентиляционные окошки, через которые в роскошный салон поступал воздух и свет. Под звуки цыганской скрипки кружились золотистые перепела и куропатки на серебряных подносах, ловко поддерживаемые пальцами в белых перчатках официантов во фраках. Или, если быть точными, над куропатками и фазанами порхали подносы, а над подносами – белые перчатки, и начищенный до блеска паркет, опирающийся на лакированные туфли официантов, с которого свисали карликовые пальмы в горшках, скатерти, хрустальные бокалы и ведёрки-колокола, с биллом внутри в виде бутылки шампанского: всё было перевернуто вверх ногами, так как Марковальдо, из-за опасения быть замеченным, не просовывал голову в окно и ограничивался тем, что смотрел на зал, отражённый от стекла приоткрытого окна.

Но окна зала коту были менее интересны, чем те, что выходили из кухни: глядя в зал, всё виделось вдалеке, в кухне же всё было очень конкретно и на дистанции вытянутой лапы, например, ошипанная птица или свежая рыба. И как раз эту часть кухни полосатый хотел показать Марковальдо или в качестве знака бескорыстной дружбы, или, скорее, надеялся на помощь человека в одном из его разбойничьих набегов.

Марковальдо, напротив, не желал отрываться от великолепного вида салона: сначала очарованный парадностью обстановки, а затем потому, что там было нечто, привлекавшее его внимание. И вот, переборов страх быть замеченным, он просунул голову в окно.

Прямо под этим окном был небольшой стеклянный садок для рыбы, что-то вроде аквариума, в котором плавали большие форели. Приблизился важный клиент с лысым и блестящим черепом, одетый в чёрное и с чёрной же бородой. За ним следовал пожилой официант во фраке, держащий в руке сачок, как будто собирался ловить бабочек.

Господин в чёрном посмотрел на плавающую в садке форель с видом серьёзным и внимательным. Затем поднял руку и медленным жестом торжественно указал на одну из рыб. Официант погрузил сачок в садок, и, преследуя выбранную форель, изловил её и направился на кухню, держа перед собой, как копье, древко сачка, в котором трепыхалась рыбина. Синьор в чёрном, серьёзный, как судья, который только что огласил смертный приговор, вернулся на своё место ожидать возвращения форели, зажаренной в кляре.

«Если я заброшу через окно удочку и поймаю одну из форелей, – думал Марковальдо, – меня не смогут обвинить в краже, самое большее – в незаконной ловле». И, не обращая внимания на доносящееся от кухонного окна мяуканье, он пошёл за орудиями ловли.

Никто в переполненном салоне «Биарритц» не обратил внимания на тонкую длинную нить с крючком и приманкой, опускающуюся прямо в садок. Наконец, рыбы заметили приманку и тотчас набросились на неё. В отчаянной схватке одной из рыбин удалось заглотить червя: и тотчас она дёрнулась вверх, поднимаясь всё выше и выше, показалась из

воды и, серебристо извиваясь, взлетела ввысь над сервированными столами, тележками с закусками, над голубым пламенем горелок для «Креп* Сюзетт» и исчезла в проёме окна.

Марковальдо вытащил рыбу со снаровкой опытного рыбака, но от излишнего усердия добыча оказалась у него за спиной. И едва форель коснулась земли, кот бросился на рыбу. То небольшое от жизни, что у неё оставалось, было кончено в зубах полосатого хищника. Марковальдо, в этот момент бросивший леску, чтобы схватить пойманную рыбу, с удивлением обнаружил, что её вместе со снастями утянули из-под самого его носа. Проворно наступил ногой на удочку, но рывок был настолько сильным, что человек остался с одним удилищем, в то время как полосатый удирал с добычей, за которой тянулась нить лески. Кот-предатель был таков!

Но он не мог так просто сбежать: длинный кусок лески, который следовал за ним, указывал путь, по которому он удирал. Несмотря на потерянного из виду кота, Марковальдо следовал за концом лески: вот он взбежал вверх по стене, перескочил через балкон, извиваясь шмыгнул в подъезд, и был поглощён проёмом подвала... Марковальдо, проникая во всё более кошачьи места, карабкаясь на навесы, перепрыгивая через перила, удавалось проследить взглядом – порой, за долю секунды до того, как он был готов ускользнуть – этот мобильный след, указывающий путь бегства вора.

Далее конец лески замелькал по оживлённому тротуару одной из улиц и Марковальдо уже находился совсем близко, чтобы схватить его. Он бросился животом на землю; и вот, цель поймана! Конец лески удалось схватить прежде, чем он проскользнул за решетку ворот.

За полуржавыми воротами и двумя кусками стены, заросшими вьющимися растениями, виднелся небольшой запущенный сад, а в глубине его – небольшая, заброшенная с виду вилла. Ковёр из сухих опавших листьев покрывал аллею – они лежали повсюду, образуя небольшие горки под ветвями двух платанов.

Слой листьев плавал и в зелёной воде небольшого водоёма. Вокруг заброшенного участка возвышались новые огромные здания и небоскребы, тысячами своих окон с неодобрением взирающих на этот квадратик с двумя деревьями, малым количеством черепицы и множеством жёлтых листьев, как-то уцелевших в самом центре оживлённого квартала.

И в этом саду, устроившиеся на капителях и балясинах, растянувшиеся на ковре из сухих листьев, вскарабкавшиеся на стволы деревьев и водосточные желоба, замершие на месте с хвостами в виде знака вопроса, сидящие и умывающие свои мордочки, были полосатые кошки, чёрные кошки, белые кошки, кошки пятнистые, тигровые, ангорские, персидские, домашние и бродячие, кошки ухоженные и запаршивленные. Марковальдо понял, что оказался в самом сердце кошачьего королевства, на их секретном острове. И от волнения почти забыл про свою рыбу.

Она, тем временем, повисла на леске на ветке дерева, в месте, недоступном для кошачьих прыжков: должно быть, выпала изо рта своего похитителя при каком-то неловком движении, может при защите её от других кошек, может быть при попытке похвастаться незаурядной добычей. Леска запуталась и Марковальдо, даже сильно дёргая, не смог освободить её. Яростная борьба тем временем разгоралась среди кошек в попытках достигнуть недостижимого, и даже за самое право попытки достичь. Каждый хотел пресечь попытки другого: они бросались друг на друга, дрались за позицию, крутились в схватке с шипением, стонами, фырканием и свирепым мяуканьем, пока, наконец, не вспыхнуло генеральное сражение в вихре сухих ломающихся с треском листьев.

*) *crêpes* (фр.) – блины

Марковальдо после многих неудачных рывков теперь почувствовал, что леска освобождается, но пока решил не тянуть, так как форель легко могла оказаться в самой гуще схватки разъярённых кошек.

В этот момент сверху со стены сада начал падать странный дождь: объедки, рыбы головы, хвосты и даже кусочки лёгких и потроха. Тотчас кошки отвлеклись от висящей форели и набросились на новую добычу. Для Марковальдо это был подходящий момент, чтобы получить обратно свою рыбу. Но, прежде чем он потянул леску, из-за ставни виллы высунулись две жёлтые сухие руки: одна с ножницами, другая со сковородой. Рука с ножницами поднялась выше форели, а рука со сковородой опустилась ниже. Ножницы отрезали леску, и форель упала в сковородку, рука-ножницы и рука-сковорода исчезли и ставня закрылась: всё произошло в одну секунду. Марковальдо остолбенел от неожиданности.

– Вы тоже любите кошек? – Голос за спиной заставил его обернуться. Его окружали миловидные женщины, некоторые уже совсем старые, в старомодных шляпах, другие более молодые, с виду – старые девы, и все они держали в руках или в сумках кулёчки с мясными и рыбными остатками, а некоторые даже кувшины с молоком. – Поможете мне перебросить через ворота этот пакет с едой для бедных животных?

Все окрестные друзья кошек собирались в это время у сада сухих листьев, чтобы покормить своих любимцев.

– Но, скажите мне, почему они все здесь, эти кошки? – спросил Марковальдо.

– А где вы хотите, чтобы они были? Только этот сад и остался! Они приходят в этот сад даже из других районов, за километры отсюда...

– И даже птицы, – вставила другая, – на этих деревьях они ютятся сотнями, чтобы выжить...

– И лягушки, они все в этом пруду, а по ночам квакают, квакают... Их слышно даже с седьмого этажа соседнего дома...

– Но чей он, этот дом? – спросил Марковальдо. Теперь у ворот стояли не только эти дамы, но и другие люди: работник автозаправки, что располагалась напротив, подмастерья из мастерской, почтальон, продавец овощей и просто прохожие. И все, мужчины и женщины, не заставили ждать ответа: каждый хотел рассказать свою версию, как всегда, когда речь заходит о теме загадочной и противоречивой.

– Одной маркизы, она здесь живёт, но её никогда не бывает видно...

– Строительные компании ей предлагают многие миллионы за этот кусочек земли, но она и слышать не хочет...

– Что вы хотите, зачем ей миллионы? Старушка осталась совсем одна в этом мире! Предпочтёт оставаться в своём доме, даже если он будет рушиться, лишь бы не переезжать отсюда...

– Это единственный не перестроенный участок в центре города... Растёт в цене каждый год... они делали ей такие предложения...

– Только ли предложения? Были и запугивания, и угрозы, и травля... Бизнес, знаете ли...

– И она сопротивляется, сопротивляется уже много лет...

– Она святая... Если бы не она, где бы нашли приют эти бедные животные?

– Как бы не так! Вы думаете, ей есть дело до каких-то кошек, этой старой скряге! Вы когда-нибудь видели её дающей им что-нибудь поесть?

– Но что вы хотите, чтобы она давала кошкам, если ей самой нечего есть? Она – последний из живых потомков одной знаменитой, но обнищавшей семьи!

– Она их ненавидит, этих кошек! Я видел, как она гоняла их зонтиком!

– Это потому, что они вытаптывали цветы на клумбе!

– О каких цветах вы говорите? Этот сад я всю жизнь помню полным сорняков!

Марковальдо понял, что по поводу старой маркизы мнения сильно различались: кто видел в ней ангельское создание, а кто считал скупой и эгоистичной.

– Взять хотя бы птичек: она никогда не давала им даже крошки хлеба!

– Гостеприимства вам, кажется, мало?

– Точно такого же, как и для комаров, вы хотите сказать: все слетаются сюда, к этому пруду. Летом нас здесь комары живьём едят, и всё из-за этой маркизы!

– А мыши? Это же кладёз мышей, а не вилла. Под сухими листьями делают норы, а по ночам выходят...

– Что касается мышей, на то здесь и кошки...

– О, эти ваши кошки! Мы что, должны полагаться на них?...

– Что вы хотите сказать против кошек?

Дискуссия начинала перерастать в глобальный спор.

– Должны вмешаться власти и конфисковать виллу! – кричал один.

– А по какому праву? – протестовал другой.

– В таком современном квартале как наш, кое-то мышинное гнездо... Это должно быть прекращено...

– А если я свою квартиру выбрал именно потому, что из неё имеется вид хотя бы на эту малость зелени...

– Да какая зелень! Представьте только, какой красивый небоскрёб можно здесь поставить!

И даже Марковальдо имел, что сказать, просто никак не находил подходящего момента. Наконец, на одном дыхании он выкрикнул:

– Маркиза украла у меня форель!

Неожиданное известие дало новые аргументы противникам старухи, но защитники объяснили этот факт, как доказательство нищеты, в которой находилась несчастная аристократка. В конце концов, и те и другие согласились, что Марковальдо должен пойти постучать в её дверь и выяснить, кто из них прав.

Было непонятно, закрыты ли ворота на ключ или открыты, однако они подались, отворившись с жалобным скрипом.

Марковальдо пробрался сквозь листья и кошек, поднялся по ступенькам на крыльцо и громко постучал в дверь.

В окне (том же, из которого выдвигалась сковорода) поднялась темнота ставней и в углу он увидел круглый тёмно-синий глаз, прядь волос, окрашенных в неопределённый цвет, и совсем высохшую руку.

– Кто это? Кто стучит? – голос донёсся до Марковальдо одновременно с запахом масла во фритюре.

– Это я, синьора маркиза, на счёт форели, – объяснил Марковальдо, – не для того, чтобы побеспокоить Вас, а только, чтобы сказать Вам: эту форель, в случае, если Вы не знали, одна из кошек стащила у меня. На счёт того, что это я поймал её, это чистая правда, на удочку...

– Кошки, опять эти кошки! – спрятавшись за ставни, воскликнула маркиза голосом визгливым и немного гнусавым. – Все мои беды идут от кошек! Я не понимаю, что вы хотите сказать! Я – пленница этих тварей и днём и ночью! Ещё и отбросы кидают через стены, чтобы досадить мне!

– Но моя форель...

– Её форель! Что Вы хотите, чтобы я знала об этой вашей форели! – и голос маркизы стал переходить в крик, как будто хотел заглушить шипение масла на сковороде, выходящего из окна вместе с запахом жареной рыбы. – Как я могу что-то понять из всего того, что сыпется в мой дом?

– Да, но Вы брали форель или не брали?

– Сколько убытков я терплю из-за кошек! Вы только посмотрите! Я не отвечаю ни за что! Вы не знаете, сколько я потеряла! С этими кошками, которые, Бог знает сколько лет тому назад, захватили мой дом и сад! Моя жизнь во власти этих тварей! Попробуй, найди их владельцев, чтобы возместить ущерб! Да что ущерб? Жизнь разрушена: я здесь как в тюрьме и не могу даже шага сделать отсюда!

– Но, простите, что заставляет Вас оставаться здесь?

Сквозь щель ставни виднелся то круглый тёмно-синий глаз, то рот с двумя выступающими вперед зубами. На мгновение показалось всё её лицо и Марковальдо смутно почудилось, что на него глядит кошачья морда.

– Они держат меня в плену, эти кошки! О, если бы я могла уйти отсюда! Я бы всё отдала за маленькую квартиру в чистом, новом доме! Но я не могу выйти... Они меня преследуют, мешаются под ногами и я постоянно спотыкаюсь о них!

Голос перешёл в шёпот, как будто сообщал о тайне:

– Они боятся, что я продам этот участок... Не оставляют меня ни на минуту... не позволяют... Вы бы их видели, этих кошек, когда приходят агенты, чтобы предложить мне контракт! Мешаются, царапаются... Они заставили сбежать даже нотариуса! Однажды у меня был уже готовый контракт, я его собиралась подписать, но они ворвались через окно, опрокинули чернильницу и изорвали все листы...

Вдруг Марковальдо вспомнил про свой склад и начальника. Он стал тихонько, на цыпочках, отходить по сухим листьям от дома, в то время как голос продолжал доноситься из-за ставни, смешанный с запахом масла в сковороде:

– Они меня исцарапали... Вот следы... Я здесь одна, покинутая всеми, во власти этих демонов...

Пришла зима. Белые хлопья украсили ветви деревьев, капители домов и хвосты кошек. Под снегом сухие листья раскисли и превратились в кашу. Кошек теперь попадалось мало, любительниц кошек – ещё меньше. Пакеты с отходами оставлялись лишь для кошек, которые сами приходили к домам. Никто, даже мельком, не видел маркизу. Из трубы маленькой виллы больше не выходил дым.

В один из дней, во время снегопада, в сад неожиданно вернулись все кошки, как будто наступила весна, и мяукали, как в лунную ночь. Соседи поняли, что что-то случилось: пришли и постучались в дверь маркизы. Но никто не ответил: она была мертва.

Весной место, ранее бывшее садом, превратилось в стройплощадку. Экскаваторы рыли глубокий котлован под фундамент, железную арматуру заливали бетоном, высоченный кран подавал балки для рабочих, сооружающих строительные леса. Но, как можно было здесь работать? Кошки бродили по настилам и каркасам, роняли кирпичи и вёдра с раствором, дрались в кучах песка. Когда собирались поднимать арматуру, то на ней обязательно появлялся свирепо фыркающий кот. Самые изощрённые коты залезали на плечи строителей с видом, что хотят помурлыкать, и не было никакой возможности прогнать их. Птицы продолжали вить гнезда на всех решётках и каркасах, а кабина машиниста крана казалась птичьим вольером... И невозможно было зачерпнуть ведро воды без того, чтобы не найти его полным квакающих и прыгающих лягушек...

*Зима***20 Дети Баббо Натале**

Нет ничего благоприятнее для мира промышленности и торговли, чем предрождественские недели и само Рождество. С улиц доносится переливчатый звук волюнок, и безвестные компании, вплоть до вчерашнего дня уныло подсчитывавшие скупые доходы и дивиденды, смотрят на свои перспективы с нескрываемым оптимизмом. Главенствующая мысль советов директоров в эту пору состоит в том, чтобы дарить радость определённым людям. И вот уже отправляются подарки с поздравлениями в нужные компании и важным частным лицам. Каждая фирма считает своим долгом купить крупную партию продукции у одной фирмы, чтобы раздарить сотрудникам других фирм. Те фирмы, в свою очередь, покупают у этой фирмы её продукцию, чтобы сделать подарки для других. Окна предприятий горят допоздна, и особенно окна складов, где сотрудники сверхурочно упаковывают пакеты и коробки. За запотевшими стёклами по тротуарам, покрывшимся коркой льда, двигаются волюнщики, спустившиеся, как говорят, с тёмных таинственных гор. Они останавливаются на перекрёстках центральных улиц, ослеплённые ярким светом богато украшенных витрин, и, опустив головы, снова и снова дуют в свои инструменты. Под их заунывные звуки меркантильные споры деловых людей стихают и уступают место новому соперничеству: кто изящнее всех преподнесёт самый солидный и оригинальный подарок. В компании «Сбав» отдел по связям с общественностью предложил, чтобы самым уважаемым персонам подарки в этом году были доставлены на дом человеком, одетым как Баббо Натале*.

Идея вызвала единодушное одобрение руководства. Было закуплено полное облачение Баббо Натале: белая борода, сапоги, красная шапка и такого же цвета длинное пальто, отороченное мехом. Начали пробовать, кто из рассыльных подходит на роль лучше, но... кто был слишком низкого роста и борода доставала до земли, кто был слишком крупным и не влезал в пальто, кто слишком молод, а кто, наоборот, слишком стар.

В то время как начальник отдела кадров искал в различных подразделениях возможные кандидатуры на роль Баббо Натале, собравшиеся на совещание руководители пытались развить идею. Отдел кадров хотел, чтобы мешок с подарками для трудового коллектива был вручён Баббо Натале на общем собрании. Торговый отдел хотел организовать поход по магазинам. Отдел рекламы предложил увеличить в размерах название фирмы, подвесив на нитках четыре воздушных шарика с буквами С, Б, А, В.

Праздничная атмосфера энтузиазма и добросердечности охватила весь деловой город. Нет ничего более прекрасного, чем чувствовать себя внутри потока материальных благ, льющегося, как из рога изобилия, вместе с добрыми пожеланиями другим людям и это, именно это, так же как и остающийся в памяти звук волюнок, имеет самое главное значение.

На складе всё добро – как материальное, так и духовное – проходило через Марковальдо, точнее, через его руки, которыми товар загружался и выгружался. И не только этим он ощущал своё участие в важнейшем празднике, но и думая, что в конце этого лабиринта сотен и тысяч пакетов его ждал пакет лично для него, подготовленный отделом по связям с общественностью. И сверх того – подсчитывал, сколько он может получить в конце года в виде сверхурочных и тринадцатой зарплаты. С этими деньгами даже он мог бежать по магазинам, чтобы покупать, покупать, покупать, для того, чтобы дарить, дарить, дарить, как того требовали самые искренние его чувства и важнейшие интересы промышленности и торговли.

*) *Баббо Натале (ит.) – Дед Мороз*

Начальник отдела кадров ворвался на склад с накладной бородой в руке:

– Эй! – сказал он Марковальдо. – Примерь-ка бороду, поглядим, как она тебе.

Отлично! Натале будешь ты. Поднимайся вверх, да побыстрее. Получишь специальную премию, если сделаешь за день пятьдесят доставок.

Марковальдо, наряженный как Баббо Натале, колесил по городу в седле трёхколесного мототрельсика, нагруженного пакетами, завернутыми в разноцветную бумагу, перевязанными красивыми лентами и украшенными веточками омелы и остролиста. Борода из белой ваты немного щекотала, но служила защитой от ветра.

В первую очередь решил заехать домой, не удержавшись от соблазна сделать сюрприз для своих детей.

«Сначала, – думал, – меня не узнают. Зато как будут смеяться после!»

Дети играли на лестнице. И, едва обернувшись, поздоровались:

– Привет, папа.

Марковальдо был разочарован.

– Ну... Не видите что ли, как я одет?

– И как ты одет? – равнодушно спросил Пьетруччо. – Разве не как Баббо Натале?

– И вы меня сразу узнали?

– Подумаешь! Мы узнали даже синьора Сигизмондо, который был загримирован гораздо лучше тебя!

– И деверя консьержки!

– И отца близнецов, что живут напротив!

– И дядю Эрнестины, той, что с косичками!

– И все были одеты, как Баббо Натале? – спросил Марковальдо, и разочарование в его голосе было не только от неудачного сюрприза, но и потому, что пострадал престиж их компании.

– Конечно, так же как и ты, – хмыкнув, отвечали дети, – у всех Баббо Натале поддельная борода, – и, отвернувшись от него, снова погрузились в свои игры.

Случилось так, что в отделах по связям с общественностью многих фирм одновременно пришла на ум одна и та же идея, и они набрали большое количество разносчиков, в основном из безработных и пенсионеров, одели их в красные пальто и нацепили бороды из ваты. Дети после того, как распознали под этой маской знакомых и соседей, привыкли к этому маскараду и больше не обращали на это никакого внимания.

По-видимости, игра, которой они были так заняты, их очень увлекала.

– Можно узнать, что тут у вас за заговор? – спросил Марковальдо.

– Оставь нас в покое, папа, мы готовим подарки.

– Подарки для кого?

– Для какого-нибудь бедного ребёнка. Мы должны найти такого ребёнка и подарить ему подарки.

– Но кто вам это сказал?

– Так написано в книжке.

Марковальдо уже собирался сказать: «Да вы же и есть эти бедные дети!», но в течение этой недели он в такой степени стал убеждённым жителем Страны Изобилия, где все покупали, наслаждались жизнью и делали друг другу подарки, что ему показалось не правильным говорить о бедности, и он предпочёл заявить:

– Бедных детей теперь больше нет!

Встал Микелино и спросил:

– И поэтому, папа, ты не приносишь нам подарки?

У Марковальдо сдавило сердце.

– Сейчас я должен заработать сверхурочные, – сказал он поспешно, – а потом обязательно их принесу.

– А как ты их заработаешь? – спросил Филиппетто.

– Разнося подарки, – сказал Марковальдо.

– Нам?

– Нет, другим людям.

– Почему не нам? Может сначала...

Марковальдо попытался объяснить:

– Потому что я не Баббо Натале отдела кадров. Я – Баббо Натале отдела по связям с общественностью. Поняли?

– Нет...

– Ну, ладно. – Ему захотелось загладить свою вину, что пришёл с пустыми руками, и он придумал взять Микелино с собой и повозить по адресам доставки.

– Если будешь хорошо себя вести, можешь поехать со мной – увидишь, как твой отец доставляет подарки людям, – сказал он, садясь в седло мотобургончика.

– Поехали, вдруг я где-нибудь встречу бедного ребёнка, – сказал Микелино и забрался в седло, обхватив отца руками.

На улицах города Марковальдо встречал других красно-белых Баббо Натале, одинаковых, идентичных ему, управляющих пикапами или мотобургончиками, открывающих двери магазинов клиентам, нагруженным пакетами, или помогающих донести покупки до автомобиля. И все эти Баббо Натале выглядели сосредоточенными и занятыми, как и полагается обслуживающему персоналу хорошо отлаженной машины праздников.

Марковальдо, такой же, как они, спешил от одного адреса к другому, обозначенному в списке, слезал с седла, перекладывал пакеты в бургончике, брал один из них, вручал тому, кто открывал дверь и произносил заученную фразу:

– Фирма «Сбав» желает Вам хорошего Рождества и счастливого Нового года, – и брал чаевые.

Эти чаевые бывали значительными и Марковальдо мог бы сказать, что доволен, но чего-то ему всё же не хватало. Всякий раз, сопровождаемый Микелино, прежде чем

позвонить в дверь, он предвкушал удивление того, кто, открывая, видел перед собой самого Баббо Натале – он ожидал увидеть праздник, любопытство или хотя бы благодарность. Но каждый раз его принимали как почтальона, ежедневно приносящего газеты.

Позвонил в дверь роскошного дома. Открыла гувернантка.

– Ох, ещё одна посылка. А эта от кого?

– Фирма «Сбав» желает...

– Заносите сюда, – и повела Баббо Натале по коридору, увешенному гобеленами и обставленному вазами из майолики. Микелино, следуя за отцом, смотрел во все глаза по сторонам.

Гувернантка отворила стеклянную дверь. Они вошли в зал с очень высоким потолком, таким, что в нём поместилась огромная ель. Это была рождественская ёлка, сверкающая стеклянными шарами всех цветов, а на её ветвях висели всевозможные подарки и сладости. С потолка свешивались тяжёлые хрустальные люстры, и верхние ветви ели цеплялись за их сверкающие подвески. На большом столе были расставлены изделия из хрусталя и серебра, коробки с цукатами и ящики бутылок. Разбросанных на огромном ковре игрушек было так много, как, разве что, в самом большом игрушечном магазине. В основном это были сложные, дорогие электронные игрушки и модели космических кораблей. На этом ковре, в его свободном углу, растянувшись, лежал ребёнок лет девяти, с видом надутым и скучающим, и листал книжку с картинками, как если бы всё то, что лежало вокруг, его не касалось.

– Джанфранко, вставай же, Джанфранко, – сказала гувернантка, – ты видишь, что вернулся Баббо Натале с новым подарком?

– В триста двенадцатый раз, – вздохнул ребенок, не отрывая глаз от книги. – Положите там.

– Это триста двенадцатый подарок, который прибыл, – заявила гувернантка. – Наш Джанфранко такой молодец! Ведёт счёт и не сбился ни разу, ему очень нравится считать.

Марковальдо и Микелино на цыпочках вышли из дома.

– Папа, этот ребёнок – бедный ребёнок? – спросил Микелино.

Марковальдо был сосредоточен на сортировке содержимого фургона и ответил не сразу. Но, освободившись, поспешил возразить:

– Бедный?! О чём ты говоришь? Ты знаешь, кто его отец? Президент Союза увеличения рождественских продаж! И ещё командор...

Он смолк, потому что не увидел Микелино.

– Микелино, Микелино! Где ты? – Но тот исчез.

«Наверное, увидел другого Баббо Натале, перепугал и пошёл за ним...»

Марковальдо продолжил свой путь, но был в задумчивости, и ему не терпелось вернуться домой.

Вернувшись, обнаружил, что Микелино был уже дома, вместе со своими братьями, подозрительно тихий.

– Скажи, куда ты исчез?

– Домой, взять подарки... Подарки тому бедному ребёнку...

– Неужели! Которому?

– Тому, что был таким грустным... Ну, тому, с виллы с рождественской ёлкой...

– К нему?! Но, что за подарок ты можешь сделать, ты – ему?!

– О, мы их хорошо подготовили... эти три подарка, и завёрнули в серебристую бумагу.

Вмещались братья:

– Мы все вместе пошли, чтобы вручить их ему! И видели, как он был рад!

– Представляю себе! – вздохнул Марковальдо. – Он, похоже, очень нуждался именно в ваших подарках, раз стал так счастлив!

– Да, да, именно в наших... Он сразу же подбежал и сорвал бумагу, чтобы увидеть, что там было...

– И что же там было?

– В первом был молоток: такой большой молоток, круглый, из дерева...

– А что он?

– Запрыгал от радости! Схватил и сразу начал с ним играть!

– Как?

– Он разбил все игрушки! И весь хрусталь! Затем он взял второй подарок...

– И что было там?

– Рогатка. Ты бы только видел, какая радость была на его лице... Он разбил все стеклянные шары на рождественской ёлке. Затем перешёл на люстры...

– Хватит, хватит, я больше не хочу это слышать! И... третий подарок?

– У нас не было ничего больше, чтобы подарить, поэтому мы завернули в серебристую бумагу коробку кухонных спичек. Это был подарок, который сделал его самым счастливым на свете. Он сказал, что ему никогда не разрешали играть со спичками, и начал зажигать их, и...

– И...?

– ... он поджёг всё!

Марковальдо рвал на себе волосы:

– Я погиб!

На следующий день, едва появившись на работе, почувствовал, что надвигается гроза. Он быстро оделся в костюм Баббо Натале, в спешке погрузил в фургон подарки и был даже несколько удивлен, что никто ему ещё ничего не сказал. Тут он увидел сразу трёх, идущих к нему, начальников отделов: по связям с общественностью, рекламы и отдела продаж.

– Стой! – сказали они ему, – немедленно сгружай всё, сейчас же!

«Ну всё, приехали!» – подумал Марковальдо и уже видел себя уволенным.

– Быстрее! Необходимо заменить пакеты! – сказали начальники отделов. – Союз увеличения рождественских продаж начинает кампанию по внедрению деструктивных подарков!

– Надо же, так внезапно... – заметил один из них, пожимая плечами.

– Они могли бы догадаться об этом раньше...

– Это гениальное озарение президента, – объяснил другой. – Похоже, что его ребёнок получил современнейшие подарки, думаю, японские, и президент впервые увидел его заинтересовавшимся...

– Самое главное то, – добавил третий, – что деструктивный подарок служит для уничтожения подарков других видов: это именно то, что нужно для ускорения темпов потребления и оживления рынка... Всё необходимо сделать в самые сжатые сроки, и чтобы это было доступно каждому ребёнку... Президент Союза увидел новые открывающиеся горизонты, и был на седьмом небе от радости...

– Но его ребенок, – спросил Марковальдо едва слышным голосом, – он уничтожил действительно очень много вещей?

– Подсчитать сложно, даже приблизительно. Весь дом сторел...

Марковальдо вернулся на ярко, словно ночью, освещённую улицу, переполненную мамами и детьми, бабушками и дедушками. И ещё подарками, и шариками, и деревянными лошадками, и ёлочками, и Баббо Натале, и курами, и индюшками, и панеттоне, и бутылками, и волынщиками, и трубочистами, и продавцами, подбрасывающими на сковородах жареные каштаны над пылающими горелками...

И город казался съжившимся, упрятанным в светящийся сосуд и похороненным в самом сердце темноты дремучего леса, между стволами столетних каштанов, укрытый бесконечной мантией снежного покрова...

Откуда-то из черноты доносится вой волка. Нора зайчиков спрятана глубоко под снегом, в тёплой красной земле, под слоем каштановой скорлупы.

Вышел белый зайчик на снег, ушами шевелит, скачет под луной. Он совсем белый и его не видно, как будто его вовсе нет. Лишь лапками оставляет лёгкие следы на снегу, похожие на листья клевера. И волка тоже не видно, потому что он чёрный в чёрном лесу. И только когда открывает пасть видны белые острые зубы.

И была черта, за которой кончался чёрный-пречёрный лес, и начинался белый-пребелый снег. Зайчик скачет по эту сторону, а волк рыщет по ту.

Волк увидел на снегу следы зайчика и погнался за ним, но держался всё время на чёрной стороне, чтобы его не было видно.

Там, где следы закончились должен был быть зайчик. Волк выскочил из черноты, разинул красную пасть с острыми зубами и проглотил лишь ледяной ветер.

Зайчик был чуть дальше, совсем невидимый. Он потёр ухо лапкой и, запрыгав, исчез.

Где же он?

Здесь?

Или, может быть, там?

И есть ли вообще?

Виделся лишь бескрайний снежный простор, белый-белый, как эта страница...: